

Библиотека / Абсолют

Эдвард
Станиславович
Радзинский

1917

Librar Absolut

Библиотека «Абсолют»

Эдвард Радзинский
**1917. Российская
империя. Падение**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Радзинский Э. С.

1917. Российская империя. Падение / Э. С. Радзинский —
«Издательство АСТ», 2017 — (Библиотека «Абсолют»)

ISBN 978-5-17-101816-0

И опять мерещится все та же ночь – финал истории трехсотлетней империи в грязном подвале. И опять падает навзничь царь, и две девочки стоят на коленях у стены, закрывшись руками от пуль, и комендант Юровский вбегает в пороховой дым дострелить ползающего по полу мальчика... Только теперь в этом дыму я вижу еще и бородатого мужика, который столько сделал для того, чтобы случился этот подвал! И который знал, что он случится!

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101816-0

© Радзинский Э. С., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Распутин. «То дело»	6
Пролог	6
Тайна	6
Тюремный «бал»	7
«13-я часть»	8
Исчезнувшее «дело»	9
Писатель Григорий Распутин	10
Фальшивые дневники	10
Недремлющее око полиции	11
Еще один дневник	11
«Большая груда пепла»	12
Воскресение Распутина в новой России	14
«То дело»	15
Краткое описание	16
Дом из небытия	17
Часть первая	19
Глава 1	19
Легендарный период	19
Исчезнувший день рождения	19
Постыдная фамилия	20
«Радость страдания»	21
Тайна начинается	22
Могущественный святой	23
Молельня под конюшней	24
Потаенная «Святая Русь»	25
Царь правит церковью	26
Пророчества старцев и «Русская мечта»	26
«Христы»	27
Изуверские русские ереси	29
Тайные странствия по тайным «уголочкам»	30
Первое обвинение	31
Глава 2	31
Завоевание столицы	31
Встреча со сталинским патриархом	32
«Черные женщины»	33
Очередная загадка Распутина	34
Глава 3	35
Страх и кровь царей	35
«Иов Многострадальный»	36
В поисках избавителя	36
«Генеральная репетиция» явления Распутина	39
Письмо Толстого	40
«Как богата стала наша жизнь...»	41
Элла из мира московского царства	42
Царский святой	43
Прощание с первым «нашим другом»	44

Кровавый пролог перед его приходом	44
«Сцена была готова для появления Чудотворца»	45
Часть вторая	47
Глава 4	47
Обольщение	47
Очаровательная генеральша	47
Прыжок во дворец	49
Скандалы в благородном семействе	51
Загадка новой фамилии	52
Еще одна историческая встреча	53
Похороненное следствие	53
Переворот во дворце	55
Опасная подруга	56
Игры Ани	58
Тайники души	60
Могущественная пара	61
Единственный	63
Предсказание	64
«Темные силы»	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Эдвард Радзинский

1917

Распутин. «То дело»

Пролог

Охота за документами

Тайна

Накануне Рождества Христова, 19 декабря 1916 года (в том последнем декабре Романовской империи) в Петрограде на речке Малая Невка всплыл труп – покрытый ледяной коркой, с изуродованным лицом. Поражали руки – связанные руки были подняты. Будто там, подо льдом, избитый и простреленный человек все еще жил, все пытался освободиться от пут...

Как напишет в отчете полиция, множество людей с флягами, кувшинами и ведрами устремились в те дни к реке. Они черпали воду, где еще недавно плавало страшное тело, они словно надеялись зачерпнуть с водой и дьявольскую, неправдоподобную силу этого таинственного человека, о котором знала вся Россия.

Я всегда опасался писать о нем. И не только потому, что в теме есть привкус вульгарности: Распутин – один из самых популярных мифов массовой культуры XX века. Опасался, потому что не понимал его, хотя прочел о нем множество книг. Многие написаны были весьма добросовестно, но под пером исследователей исчезало главное – его тайна.

Его лицо (запечатленное на множестве фотографий) довольно одинаково описывается людьми, встречавшимися с ним: обветренное, опаленное солнцем морщинистое лицо пожилого русского крестьянина – узкое, с крупным бугристым носом, полными плотоядными губами и длинной бородой. Волосы разделены на пробор и начесаны на лоб, чтобы скрыть (по словам его дочери) странную шишку высоко на лбу, напоминающую зачаток рога... Его глаза, также одинаково описанные разными свидетелями, притягивают даже на фотографиях. «Этот мгновенно загорающийся магнетический взгляд светлых глаз, в которых смотрит не один зрачок, а весь глаз» (Жуковская); «глубоко сидящие глаза... долго выдержать его глаза невозможно» (Джанумова); «гипнотическая сила, которая светилась в его необыкновенных глазах» (Хвостов)...

Но далее начинается тайна: очевидцы описывают совершенно разное. В свое время я не без удовольствия выписал все эти противоречия: «высокий», «невысокий», «по-крестьянски опрятный», «грязный и неряшливый», «худой», «коренастый с широкими плечами»... Певица Беллинг, много раз видевшая Распутина, пишет о его «гнилых зубах и зловонном дыхании». А писательница Жуковская, весьма близко его знавшая, сообщает: «Зубы были у него безукоризненные и все до одного целы, а дыхание совершенно свежее... белые хлебные зубы, – крепкие, точно звериные...» «Рот был очень велик, но вместо зубов в нем виделись какие-то черные корешки», – пишет его секретарь Симанович. «Крепкие белые зубы» увидел у Распутина его почитатель Сазонов...

Он зыбок, он странно меняется. Очень точно сказала о нем великая княгиня Ольга, сестра последнего царя: «Он менялся, как хамелеон». О том же пишут и другие: «Когда вспомнишь эту его *диковинную особенность мгновенно изменяться*... сейчас сидел простой, неграмотный мужичок, грубоватый, почесывающийся, и язык у него еле шевелится, и слова ползут неповоротливо... и вдруг превращается он во вдохновенного пророка... и... новый скачок перевертыша, и с диким звериным сладострастием скрипят белые зубы, из-за тяжелой завесы морщин бесстыдно кивает какой-то хищный, безудержный, как молодой зверь... и вот уже... на месте распоясанного охальника сидит серый сибирский странник, тридцать лет ищущий Бога по земле», – вспоминала Жуковская.

Но главная его тайна, которую я никак не мог понять, – это ослепление Царской Семьи. «Старец» – так называла Распутина императрица Александра Федоровна. Но как она, прочитавшая множество книг о православии, знавшая жития знаменитых старцев, могла называть «старцем» мужика, погрязшего в блуде и пьянстве? Она не верила рассказам о нем? Не верила – кому? Придворным? Это понятно. Отчетам полиции? Это объяснимо. Не верила Романовской семье? Матери мужа-царя не верила? Это объяснить труднее, однако все-таки можно. Но как она могла не верить своей сестре? Любимой и воистину святой старшей сестре Элле, с которой была так близка? А может быть, она попросту *не хотела* верить?

А сам царь? Почему он соглашался с ослепленной женой? Неужели все дело было в том, что Распутин спасал их больного сына? И этого достаточно, чтобы возникло восторженное поклонение, точнее – обожествление? Чтобы возник пугающий симбиоз: религиознейшая семья, однолюбы царь и царица, их чистые дочери – и рядом похотливый мужик, чьи проделки были притчей во языцех? Неужели здоровье ребенка заставило их молчаливо согласиться на уничтожение престижа династии, на неминуемую катастрофу, о которой им все без исключения твердили? Согласиться забыть свой долг перед страной?

Тогда пойдем и пожалеем добрых и несчастных родителей. Но как относиться к властителям – виновникам катастрофы, постигшей Россию в 1917 году и унесшей не только их жизни, но только жизнь их мальчика, но жизни миллионов их подданных?

Или была какая-то совсем *иная* причина их удивительной веры в этого человека? Совсем *иное* объяснение его поступков?

В начале века, когда всплыл страшный труп, все было так ясно: Распутин – слуга Антихриста. Так говорила тогда и верующая, и неверующая Россия... чтобы спустя 80 лет вновь задавать себе вопрос: кто же он все-таки был – Григорий Ефимович Распутин?

Тюремный «бал»

Я давно понял: только когда найду «То Дело» – смогу попытаться ответить на этот вопрос. Я знал, что «То Дело» должно существовать.

В 70-х годах, когда я писал книгу о Николае II, мне, естественно, приходилось обращаться к бумагам Чрезвычайной комиссии Временного правительства.

В марте 1917 года, после победы Февральской революции, в казематах Петропавловской крепости стало многолюдно. Сюда, в камеры русской Бастилии, где при царе сидели политические преступники, были доставлены те, кто их туда сажал. Люди, еще недавно вершившие судьбы России – бывшие премьер-министры Штюрмер и Голицын, министр внутренних дел Протопопов, руководитель департамента полиции Белецкий и сменивший его на этом посту Васильев, министр двора престарелый граф Фредерикс, председатель Государственного

Совета Щегловитов, дворцовый комендант Воейков, ближайшая подруга царицы Вырубова, и прочие, и прочие, – собрались в крепостных камерах, вечно сырых от наводнений. Как напоминало это общество недавние балы в Зимнем дворце...

4 марта 1917 года Временным правительством была образована «Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима». И теперь в Зимнем дворце, куда столь недавно министры являлись в орденах и лентах, заседал Президиум Комиссии, а следователи выезжали вести допросы в Петропавловскую крепость. Протоколы обрабатывал первый поэт России – Александр Блок. В своих записных книжках он описал и атмосферу допросов, и Зимний дворец с пустым тронным залом, «где вся материя со стен была содрана, а трон убран, потому что солдаты хотели его сломать».

Протоколы допросов готовились к изданию – вся страна должна была узнать, что же творилось там – за кулисами режима, в таинственном Царском Селе. И одним из главных вопросов, на который должна была ответить Комиссия, был вопрос о деятельности полуграмотного русского мужика Григория Распутина.

«13-я часть»

Президиум Комиссии и 27 ее следственных частей с марта 1917 года и вплоть до Октябрьского переворота вели непрерывные допросы своих блестящих заключенных.

Особая следственная часть, имевшая выразительный номер 13, специально занималась «обследованием деятельности темных сил». На политическом жаргоне того времени «темными силами» именовались Распутин, царица и приближенные к ним лица. Влияние Распутина на бывшего царя – вот что было основным содержанием работы 13-й части. Во главе ее стоял Ф.П. Симсон – бывший председатель Харьковской судебной палаты. Допросы вели однофамильцы Владимир и Тихон Рудневы и Григорий Гирчич, следователи, прикомандированные к Комиссии из провинциальных судов (тут идея была: провинциальные следователи не связаны с находившейся под следствием столичной правящей верхушкой).

А потом грянул переворот, и захватившие власть большевики покончили с Временным правительством. И вчерашние министры отправились в те же камеры Петропавловской крепости. Там их не без юмора встретили царские министры, которых они так недавно туда посадили...

Прекратили большевики и деятельность Чрезвычайной комиссии. Но часть допросов важнейших царских министров все же решили опубликовать к 10-летию революции. Издание должно было «показать маразм царской власти», которой руководил невежественный развратный мужик Григорий Распутин.

К тому времени обрабатывавший стенограммы допросов Александр Блок уже умер (но успел увидеть, как «мировая революция превратилась в грудную жабу»). Издание осуществил один из самых видных деятелей Комиссии П. Щеголев. До революции он был редактором знаменитого журнала «Былое». Этот печатный орган «совсем революционного настроения» не раз закрывался царскими властями. Лев Толстой говорил: «Если бы я был молод, то после чтения «Былого» я взял бы в обе руки по револьверу»... При царе Щеголев успел побывать и в камере Петропавловской крепости, где впоследствии сам допрашивал посадивших его туда. Но после прихода большевиков вчерашний неподкупный Щеголев весьма переменялся – стал послушным помощником новой власти, выступал экспертом на процессах, устроенных большевиками.

Семь маленьких томиков «Протоколов Чрезвычайной следственной комиссии» – вот и все, что было опубликовано Щеголевым из огромного материала допросов. Эти томики и стали на долгие годы главной документальной основой всех книг, написанных о Распутине.

Исчезнувшее «дело»

Только спустя почти четыре десятка лет к ним прибавился еще один поразительный документ о Распутине, и тоже из материалов Комиссии.

В 1964 году вышел сенсационный номер журнала «Вопросы истории», и его жадно читали тогда не только специалисты. Там впервые начали печатать «Постановление следователя Чрезвычайной комиссии Ф. Симсона о деятельности Распутина и его приближенных лиц и влиянии их на Николая Второго в области управления государством», хранившееся прежде в секретной части Архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации). Это постановление и было итогом работы 13-й части.

Я прочел этот номер позже, когда начал работать над книгой о Николае II. Содержание «Постановления» произвело ошеломляющее впечатление. В нем Симсон щедро цитировал показания лиц из ближайшего окружения Распутина: его издателя Филиппова; его друга Сазонова, на квартире которого проживал Распутин и с женой которого он находился в самых тесных отношениях; знаменитой Марии Головиной – верной обожательницы Распутина, ставшей невольной причиной его гибели; петербургских кокоток, с которыми мужик был связан нежными узами; и так далее...

Но в изданных Щеголевым «Протоколах» все эти показания отсутствовали. Ибо это были показания людей, *любивших Распутина*, чья точка зрения была неприемлема для Щеголева.

Впрочем, вырванные цитаты, которые приводил в своем отчете Симсон, мало что меняли. В «Постановлении» он старательно защищал ту же идею, которую проводил Щеголев в своей публикации: рисовал все тот же образ развратного мужика, обезумевшего от пьянства и вседозволенности, который руководил и Царской Семейей, и согласившимися прислуживать фавориту коррумпированными министрами.

Было ли это всей правдой показаний, полученных в 13-й части? Я имел право усомниться, ибо к тому времени уже знал о непримиримых разногласиях внутри Комиссии. Один из следователей, Владимир Руднев, демонстративно покинувший Комиссию, уже в эмиграции написал о причинах своего ухода: «В августе 17 года я подал прошение об отчислении меня *ввиду попыток председателя Комиссии Муравьева побудить меня явно к пристрастным действиям*».

И я отправился в архив, чтобы целиком прочесть показания, которые так пристрастно цитировал Симсон. Каково же было мое изумление, когда в фонде Чрезвычайной комиссии я их не нашел.

Эти документы исчезли.

Итак, исчезли показания ближайших друзей Распутина. А ведь в них-то, возможно, и было самое интересное! Ведь эти показания давали люди, видевшие его каждый день, те, кто согласились в силу каких-то причин преданно служить ему. В них могла быть разгадка – подлинный портрет, который я для себя уже назвал «Живой Распутин»...

Эти исчезнувшие показания и стали для меня «Тем Делом». Так началась моя охота за документами.

Писатель Григорий Распутин

В архиве я нашел довольно скудный «фонд Распутина». В нем были знаменитые телеграммы, которые он посылал царю и царице. Заботливо сохраняемые ими вплоть до революции, они были изъяты Чрезвычайной комиссией и впоследствии неоднократно публиковались в разных изданиях.

И там же я нашел некие загадочные и никогда не печатавшиеся телеграммы, посланные Распутину за подписью «Душка». Эти телеграммы (к которым мы еще вернемся) проливают особый свет на отношения Распутина и царицы...

Там же хранились и произведения самого Распутина – и самое сильное, самое таинственное, так и не изданное при его жизни «Житие опытного странника». И еще три (опубликованных прижизненно): «Великие торжества в Киеве» (во время этих торжеств был убит премьер Столыпин), «Благочестивые размышления» (сборник поучений) и «Мои мысли и размышления» (рассказ о поездке в Иерусалим). Разумеется, малограмотный Распутин сам их не писал. Он говорил, а некто за ним записывал (и с любовью записывал!). Мы еще вернемся к удивительному соавтору (точнее – соавторше) Распутина...

Изданные сочинения после революции были изъяты из библиотек и переправлены в закрытые хранилища. Они цитировались в книгах иностранных авторов о Распутине. Но его сильная, народная русская речь меркнет при переводе. Переводить его должен поэт.

Можно представить оболъщение, которое испытывали слышавшие эту речь, видевшие «пронзительные волчьи глаза»... И опасные прикосновения его «электрических» рук – он часто дотрагивался до собеседников во время поучений...

Фальшивые дневники

И тогда же в архиве я нашел «Дневник Распутина». С подзаголовком: «писанный под его диктовку Крамер Л. П.» Неопубликованный дневник Распутина! Это было счастье! Но восторг погас быстро. Многие истории и их герои в этом дневнике совпадали с тем, что я уже прочел в щеголевских «Протоколах». И все, что доказывала тогда большевистская историческая наука: разврат «старца», продажность высшего петербургского общества, жалкий тупой царь – все старательно было собрано в дневнике.

Вот Распутин поучает царя – стучит кулаком, объясняет глупому самодержцу загадку русского народа: «Ты как учить мужика думаешь? Через жопу?.. Жопу ему драть хочешь, а в голове у него такая злоба вырастет...» И далее поясняет: «С царями... (так Распутин называет императорскую чету. – Э.Р.) не разумом надо, а духом... Они разума не понимают, а духа боятся»... Повелевает он и покорной царицей: решил Распутин заключить мир с немцами, и она благоговейно становится перед ним на колени, обещает немедля сделать... И конечно же – разврат с «прогнившей аристократией»: «Повезла мама (царица. – Э.Р.) меня к Кусихе (баронессе Кусовой – Э. Р.) в Павловск... Там еще генеральша была... Липучие они обе, как мухи... Сама ко мне липнет, а все боится, как бы не узнали».

Да, это была всего лишь идеологическая подделка. Недаром в подзаголовок «писанный под его диктовку» позже кем-то было стыдливо вставлено слово «якобы» – «якобы писанный под его диктовку».

Определить авторов этого документа нетрудно. Ибо они уже успели прославиться подобной подделкой, имевшей в те годы фантастический успех у читателей.

В 1927 году на страницах журнала «Минувшее» начал печататься «Дневник Вырубовой». Вся страна с упоением читала этот дневник, раскрывавший интимные подробности «разложения режима, так недавно правившего Россией».

Правда, очень скоро поползли слухи, что Вырубова тут была совершенно ни при чем. Авторами занимательной подделки называли двух знаменитостей: все того же издателя «Протоколов Чрезвычайной комиссии» Щеголева и известного писателя Алексея Толстого («красного графа», как часто его звали).

До этого Щеголев и Толстой уже успели вдвоем сочинить нечто похожее. Это была пьеса «Заговор императрицы» – о попытке Распутина произвести дворцовый переворот и сделать правительницей страны Александру Федоровну. Пьеса имела «анафемский успех» в Москве и Ленинграде, шла там одновременно в шести театрах.

И в 1927 году, когда праздновалась десятая годовщина падения царского режима, мощная идеологическая кампания по дискредитации царизма не смогла обойтись без Щеголева и «красного графа» (и они – без нее). Это был типичный социальный заказ: Щеголев предоставил материалы, Толстой написал – так появился лжевырубовский дневник. И огромный его успех, видимо, подсказал новую работу – «Дневник Распутина» должен был стать продолжением «Дневника Вырубовой». Однако благодаря общительному (и часто пьяному) «красному графу» история фальшивки перестала быть тайной, так что об издании «продолжения» нечего было и думать. И, возможно, тогда ценивший литературные мистификации Щеголев и отдал «Дневник Распутина» в архив – пусть полежит до лучших времен...

И подделка осталась пылиться в архиве.

Недремлющее око полиции

Но, пожалуй, самыми забавными документами о Распутине, которые я прочел тогда в архиве, были тома донесений агентов полиции, наблюдавших за ним. Эти «агенты наружного наблюдения» должны были ежедневно писать отчеты обо всех передвижениях Распутина по городу, опознавать и описывать его бесчисленных посетителей (которые тут же попадали, как в капкан, под надзор полиции). Отмечались любые отлучки Распутина из квартиры, время его возвращений, адреса визитов и встречи по дороге. Ни один государственный деятель того времени не имел такого подробного «жизнеописания», как полуграмотный мужик Григорий Распутин...

Но находящиеся в архиве тома – всего лишь жалкие остатки. Часть полицейских документов погибла во время Февральской революции, когда горели охранные отделения, часть уничтожили сами высокие чиновники, ибо они тоже посещали Распутина, и он бывал у них. Министр внутренних дел Хвостов показал в Чрезвычайной комиссии: «При оставлении мной должности Штюмер (премьер-министр. – Э.Р.) брал к себе документы, особенно о Распутине... главный интерес был к ним. *Все тут же сожглось*»...

Но и оставшиеся донесения раскрывают безумную мозаику распутинских дней – посещения ресторанов и цыганских хоров, встречи с министрами и политическими деятелями, пикантные сцены на кухне, подсмотренные агентами из-за отсутствия занавесок, мешанина его посетителей: кокетки, княгини, банкиры, дельцы, набожные почитательницы... Все фиксируют агенты: имена, время прибытия и ухода дам (подчас после ночи с мужиком)...

Еще один дневник

Но исчезнувшее «То Дело» не выходило у меня из головы. После начала перестройки я возобновил поиски. В начале 90-х тщетно искал его в Петербурге.

В Историческом архиве, расположившемся в роскошных зданиях бывших Сената и Синода (куда столь многих назначил простой мужик), из распутинских документов сохранилась только маленькая ученическая тетрабочка с портретом Пушкина и надписью «Девник» (то бишь «Дневник»). В свое время обнаружение этой тетрабочки вызвало волну статей в круп-

нейших газетах мира: найден дневник Распутина! На самом же деле наш герой заносил в эту тетрадочку (чудовищными каракулями) свои поучения. Название «Дневник» он, видимо, дал для важности, зная, что и царь, и царица ведут дневники.

И наконец в бывшем Музее Революции, помещавшемся в особняке балерины Кшесинской, я увидел еще одну сенсацию последнего времени: обнаруженные в 90-х годах фотографии из следственного дела об убийстве Распутина. Это вид двора Юсуповского дворца, по которому в декабрьскую ночь 1916 года бежал Распутин, пытаясь спастись от своих убийц, и фотографии его трупа, вытасченного из реки, – изувеченного лица с запекшейся кровью и обнаженного тела с пулевыми отверстиями. Сам протокол вскрытия тела еще в 30-е годы хранился в Военно-медицинской академии, но вдруг таинственно исчез. Впрочем, тогда исчезали не только документы. Вскоре исчезли и многие сотрудники, которые видели этот акт, – было время террора... Правда, осталось официальное свидетельство о сожжении трупа Распутина после Февральской революции.

Все это было интересно, но... никаких следов пропавших документов из 13-й части – следов «Того Дела» – я по-прежнему не нашел.

«Большая грудa пепла»

В начале 90-х годов вышла моя книга о Николае II. Не обладая достаточным количеством материалов, я писал в ней о Распутине мало и осторожно. Тогда же на телевидении появилась моя передача «Загадки истории». После выхода книги на меня обрушился поток писем с просьбами сделать передачу о Распутине. И я решился снять историю его гибели.

Я попытался найти для передачи хоть какие-нибудь новые свидетельства о нем – помимо бесконечно цитируемых и переходящих из одной книги о Распутине в другую. Тогда я и вспомнил о рукописи, которую студентом видел в Архиве литературы и искусства. Это были воспоминания Веры Александровны Жуковской, молодой писательницы (родственницы знаменитого ученого Н.Е. Жуковского), о ее встречах с Распутиным. Однако эротика этих воспоминаний, весьма напоминавшая романы Арцыбашева, заставляла подозревать, что все это – литературный вымысел. Желание проверить подлинность фактов в рукописи заставило меня вспомнить о «Том Деле»...

Ибо, как писала Жуковская, попасть к «старцу» ей помог Александр Степанович Пругавин, знаменитый знаток русского сектантства. Более того, она утверждала, что впоследствии сама приводила Пругавина к Распутину. Как легко можно было проверить достоверность ее истории! Ведь показания Пругавина о Распутине цитировались в постановлении Симсона, значит, они были и в «Том Деле»... Я должен был его найти!

Работая над передачей, я, естественно, думал и о бумагах Вырубовой. Несколько ее допросов опубликованы в щеголевских «Протоколах», но их должно было быть куда больше. Ибо, как отмечал следователь Руднев, 13-я часть «обратила особое внимание» на деятельность ближайшей подруги царицы и главной почитательницы «старца».

После гибели Распутина Вырубова жила вместе с Царской Семьей в Александровском дворце. В конце февраля 1917 года, когда восставшая толпа уже заполнила улицы столицы, наследник и великие княжны заболели корью. Заразившись от них, Подруга лежала в жару, без сознания. Очнулась она уже в осажденном дворце, безнадежно тонувшем в море революции. Света не было, лифт не работал, царица металась между больными. Но едва оправившись, Вырубова начала жечь свои бумаги...

В конце марта Вырубову арестовали. Она предстала перед Чрезвычайной комиссией. В опубликованных показаниях на вопрос следователя: «Почему вы сожгли целый ряд документов?» она ответила: «Я почти ничего не жгла... сожгла только несколько последних писем императрицы, не хотела, чтобы они попали в посторонние руки».

Я хотел в это поверить. Может быть, действительно, главное ей удалось спрятать? Ведь не сожгла она впоследствии письма царственной подруги из тобольского заточения, несмотря на все призывы Аликс уничтожить их! И возможно, унесла она драгоценные документы с собой в ту ночь, когда ей удалось бежать из красной России по опасному льду Финского залива.

Вырубова – одна из очень немногих, кто был близок к Царской Семье и уцелел. Она прожила до 1964 года и благополучно умерла в Финляндии. Естественно, я отправился туда.

В Хельсинкском Национальном архиве мне показали ее полицейское досье. Там была запись допроса Вырубовой, произведенного финскими властями в городе Териоки – в карантине для беженцев. Финны понимали всю важность ее показаний. Как сказано в деле, «показания направлены премьер-министру и президенту».

Но ничего нового Вырубова финнам не сообщила. Ее ответы были добросовестным повторением ее же показаний Чрезвычайной комиссии: «Нет, царица не была в связи с Распутиным» и так далее... В досье были также бесконечные прошения о гражданстве, но ей, «большой почитательнице Распутина», финны постоянно отказывали. Мотив – «занималась политической деятельностью». В 1934 году за нее тщетно просил бывший царский кавалергард, ставший финским маршалом, барон Маннергейм. Но лишь спустя пять лет, когда он стал всемогущим лидером страны, его рекомендация возымела действие.

В 1923 году Вырубова написала и опубликовала на Западе свои воспоминания. Она хотела скрыться под девичьей фамилией «Танеева», но издатели не согласились. Никаких черновиков этих воспоминаний в архиве я не нашел.

В Финляндии она стала «тайной монахиней» (с правом жить дома, а не в монастыре, из-за инвалидности – ее изуродованной ноги). Я связался с монастырем, где приняла она тайный постриг, но и там ничего не обнаружил. Вырубова доживала свой век одиноко, почти ни с кем не общаясь. Я было подумал, что она дала некий обет молчания, но это оказалось не так...

В 1937 году, остро нуждаясь в деньгах, она пыталась издать новую редакцию своих воспоминаний и даже заключила контракт с финским издательством. Но пока писала, началась война. Когда-то Первая мировая разрушила империю и жизнь могущественной Подруги «царей», теперь Вторая разрушила надежды изгнанницы получить немного денег... Воспоминания о царе и царице России, воевавшей с Германией, оказались «не ко времени» в Финляндии – союзнице Гитлера. А после войны, когда НКВД хозяйничал в Финляндии и эмигрантов почти открыто вывозили в СССР, Подруга, вероятно, попросту боялась напоминать о себе. Только в 1953 году – в год смерти Сталина – она передала в издательство законченную книгу. Но и тогда ее не напечатали – видимо, рукопись не показалась издателю новой по сравнению с прошлым изданием.

В начале 80-х, уже после смерти Вырубовой и ее финского издателя, его дочь, разбирая бумаги отца, нашла конверт с фотографиями. На нем было написано: «Фото Анны Вырубовой с ее подписями на обороте». Нашла она и рукопись ее воспоминаний. В 1984-м книга была издана. Она не стала событием, ибо в ней, повторяюсь, не было нового. Но фотографии в книге – поражают. Особенно одна, где Александра Федоровна сидит в шезлонге на фоне Царскосельского парка... Какая грусть, какое безнадежное лицо у императрицы...

Прочтя эти мемуары, я окончательно понял: никаких документов Вырубова с собой не вывезла. Неужели она действительно все сожгла в Зимнем дворце? Я тогда еще не знал, что «То Дело» (которое я вскоре увижу!) даст мне разгадку.

«То Дело»: «Комендант Александровского дворца подполковник Коровиченко в присутствии дежурного офицера и члена исполкома Царскосельского гарнизона произвели осмотр помещений, которые занимала в Царскосельском дворце Анна Александровна Вырубова... В камине спальни госпожи Вырубовой найдена большая груда пепла от сожженных бумаг...»

Из показаний Александра Оамерга, «исполнявшего должность скорохода при бывшем высочайшем дворе»: «Лакеи передавали мне, что 3 или 4 марта в камине ее (Вырубовой. – Э.Р.) комнаты они нашли большую кучу пепла от сожженных бумаг. Судя по количеству пепла, можно думать, что *было сожжено очень много бумаг*».

В отличие от предусмотрительной Подруги, царица, к великому счастью, не смогла сжечь большинство писем, ибо в них была ее любовь – бессмертная любовь к «дорогому Ники». Письма, которыми обменивались Аликс и Ники в дни войны, сохранились. И в них бесконечно упоминался Распутин. Если до 1914 года о его отношениях с Царской Семьей можно судить по показаниям свидетелей, то с первого дня войны о своих отношениях с Распутиным заговорят сами «цари».

Но комментировать эти письма мне помогла еще одна свидетельница...

Хозяйка маленького домика, затерянного в Канаде, сухонькая старушка, одетая в грубую черную юбку, потертый свитер и тяжелые коричневые туфли, когда-то владела дворцами, ей прислуживали десятки лакеев. Она умерла в 1960 году – как и Вырубова, сумела перешагнуть середину века. На ее похоронах в православном соборе в Торонто собрались остатки первой – величественной – русской эмиграции. От умершей остались старая мебель и огромный портрет Александра III, напоминавший о былом.

Это была великая княгиня Ольга, родная сестра последнего русского царя Николая II, младшая дочь Александра III. Ее память поразила журналистку, записавшую ее мемуары. Я пользовался этими воспоминаниями – еще одним голосом навсегда исчезнувшей России.

Воскресение Распутина в новой России

Но «Того Дела» я и тогда не нашел... Однако в 90-х годах выплыли из небытия документы о Распутине, хранившиеся в Тобольском и Тюменском архивах. Были найдены метрические книги Богородицкой церкви, по которым стало, наконец, возможно установить точную дату его рождения. В Тюменском архиве нашлись «Дело Тобольской духовной консистории о хлыстовстве Григория Распутина» и «Дело о покушении на убийство Григория Распутина».

Я благодарю оба этих архива, переправивших мне ксерокопии хранившихся у них бесценных документов.

В последние годы Григорий Распутин начал «воскресать» в России. И в этом «воскрешении» немалая заслуга самого Распутина, вернее, его сочинений. В годы перестройки они вновь явились на свет, были напечатаны и произвели огромное впечатление: прекрасный народный язык, исчезнувший в годы «новояза», и великие библейские истины, забытые в стране, где незнание Библии было почти всеобщим, завораживали.

Новая «распутиниана» началась со справедливого ощущения, что образ Распутина, созданный в течение нашего столетия, – политическая легенда. И показания, опубликованные Щеголевым в «Протоколах Чрезвычайной комиссии», – это в основном тенденциозно подобранные показания его врагов. И в документах, клеймящих Распутина, есть множество несовпадений...

Но «восстановление справедливости» вылилось в нашу любимую «легенду наоборот»: «святой черт» Григорий стал «святым старцем» Григорием!

Русские мифы о демонах и святых... сколько их в XX веке: «кровавый Николай» – «святой Николай»; «святой Ленин» – «кровавый Ленин»; «отец и учитель» Сталин – «монстр» Сталин... И все эти новые исследования о Распутине закончились излюбленной версией о «жидомасонах»: «масонами был создан миф о Распутине – миф, имеющий целью очернить, дискредитировать Россию, ее духовное начало».

История продолжала улыбаться. Перед революцией и после нее тогдашние националисты обвиняли Распутина в том, что он агент масонов, что «черные силы масонства» воспользовались его влиянием на царя и царицу для выполнения своей программы. Теперь он был объявлен жертвой масонов. И если прежде Распутина называли «еврейским прихвостнем, окруженным евреями-секретарями», в нынешней России некто Н. Козлов счел убийство Распутина «ритуальным»: оказывается, Распутина убили евреи через руководимых ими масонов.

Так возник новый миф о крестьянине, хранителе исконных русских ценностей – православия, самодержавия и народности, – подвергшемся травле врагов правосудия, мечтавших «развернуть Россию на Запад». Все стало просто, пошло и скучно.

Но создатели этого мифа могли утверждать все, что хотели. Могли называть ложью донесения агентов охранки, заявлять, что никогда Распутин не пьянствовал, не творил блуда – был чистым и добрым христианином.

Они имели на это право, ибо все порочащие Распутина сведения черпались из показаний его врагов. Показаний его друзей не было.

Не было «Того Дела».

«То дело»

Готовясь к телевизионной передаче об убийстве Распутина, я ознакомился с архивом семьи Юсуповых.

Архив этот нелепо разбит на две части: основной фонд хранится в Российском Государственном архиве древних актов. Здесь – история возникновения несметных богатств древнего Юсуповского рода. Потомки татарских владык, перешедшие на службу к московским царям, за три века стали богатейшими землевладельцами: тысячи десятин земли принадлежали будущему убийце Распутина. В XIX веке стали они и крупнейшими промышленниками. В 1914 году их доход составил полтора миллиона золотых рублей. Богатейшая семья России!

Другая (небольшая) часть фонда хранится в Историческом музее. В этих двух хранилищах я и нашел переписку между Феликсом Юсуповым и его женой Ириной. Сохранились и письма к сыну Зинаиды Юсуповой – одной из главных ненавистниц Распутина.

Заговор против «старца», тайна отношений Феликса и Марии Головиной и, наконец, новая картина убийства Распутина открываются в этих письмах...

А потом подошел день съемки в Юсуповском дворце.

Этот дворец полон тайн. Впрочем, тайны – в традициях Юсуповского рода. Прабабка убийцы Распутина была одной из красивейших женщин Европы. В ее апартаментах после революции большевики нашли потайную дверь, а за ней – гроб с истлевшим телом мужчины. Феликс впоследствии писал о ее любовнике-революционере, узнике Свеаборгской крепости, которому прабабка устроила побег и скрывала во дворце и до его смерти, и после.

В 1925 году в московских палатах XVII века, принадлежавших Юсуповской семье, строители обнаружили, что штукатурка под парадной лестницей несколько отличалась по цвету от стен. Пробив дыру, они проникли в кладовую, заставленную сундуками. Когда зажгли свечу, все вокруг заблестело – золото, серебро, фамильные драгоценности были свалены в открытых сундуках хозяевами, поспешно покинувшими страну. Там же найдены были и семейные документы, вошедшие потом в Юсуповский фонд.

День съемки оставил странное ощущение.

Утром я был приглашен на ланч к принцу Майклу Кентскому, гостившему в те дни в Петербурге. Потомок короля Георга V (двойника Николая Второго) принц Майкл похож на последнего русского царя – и чертами лица, и, что важнее, глазами: то же нежно-печальное

выражение, описанное во множестве воспоминаний. После встречи с родственником и ликом последнего царя я и поехал на съемку во дворец, где убили того, кто его погубил.

В Юсуповском дворце все сохранилось: я спустился по той же лестнице, на которой стояли великий князь Дмитрий Павлович и остальные убийцы, судорожно прислушиваясь к звукам, доносившимся из подвала. Я вышел в тот же двор, в который выбежал, надеясь спастись, истекавший кровью Распутин. А потом я вернулся в тот же подвал, превращенный Феликсом в изящную столовую, где князь стрелял в мужика... Сейчас здесь находились восковые фигуры, изображавшие Феликса и Распутина.

Меня закрыли в подвале, я остался один. Это было странное чувство: мне показалось, что я знаю этот подвал, хотя прежде никогда здесь не был. Где-то я уже видел это небольшое пространство, окна, чуть возвышающиеся над землей, сквозь которые видны только ноги прохожих, мощные стены, не пропускающие звуков...

Да, то был двойник подвала в Ипатьевском доме, где расстреляли Царскую Семью.

Ночью после съемки я вернулся в Москву. На следующий день была премьера «Хованщины» в Большом театре, куда меня пригласил мой друг Мстислав Ростропович, дирижировавший оперой. Я глядел на сцену, на костюмы времен Московского царства, которые так любили носить на «исторических» балах Николай и Александра... Мне показалось, что вчерашний день продолжается.

И он продолжился.

По окончании оперы я пошел поздравлять Ростроповича. И тогда в артистической, набитой людьми, он мне сказал: «Я приготовил тебе такой подарок! Ты сойдешь с ума! Ты просто умрешь! Ты должен немедленно приехать ко мне в Париж!»... Он сделал паузу, но я уже знал, что он скажет.

И он сказал: «Я купил тебе на аукционе «Сотбис» документы... целое огромное дело. И знаешь – о ком?» Я знал. И он закончил: «О Распутине! Это допросы в Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Причем – множества людей, которые его знали».

Самый длинный день в моей жизни закончился.

В парижской квартире Ростроповича висят занавеси из Зимнего дворца с царскими гербами, а на стене – знаменитый серовский портрет Николая с невыразимо грустными глазами...

На столе лежал огромный том. Я открыл... Показания Филиппова, Сазонова, Вырубовой, Головиной... Это и было «То Дело», выдержки из которого цитировал следователь Симсон!

«То Дело», которое я столько искал!

Краткое описание

На типовой обложке – надпись: «Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима». Почти пять сотен страниц со штампами Комиссии. Все протоколы подписаны допрашиваемыми. Здесь автографы Вырубовой, знаменитых почитательниц «старца» Ольги Лохтиной и Марии Головиной, шефа жандармов Джунковского, полковника Комиссарова, тибетского врача Бадмаева, министра внутренних дел Хвостова, главы Московской охранки Мартынова... И автографы следователей 13-й части – обоих Рудневых и Гирчича.

Какое это было чтение! В «Том Деле» оказались сенсационные показания епископа Феофана – знаменитого церковного иерарха, аскета, благодаря которому (как часто утверждалось ранее) Распутин проник в Царскую Семью; показания монахов из далеких сибирских скитов и Верхотурского монастыря, где началось таинственное преображение Распутина... И, наконец,

столь важные и желанные для меня показания *тех, кто ценил и любил Распутина*, без мнений которых трудно написать беспристрастную биографию его.

Первый среди них – Алексей Фролович Филиппов, издатель и «искренний почитатель Распутина», как справедливо называют его приверженцы новых легенд о «святом Григории». Но Филиппов был не просто «почитателем» – он был яростным защитником Распутина. Есть показания и Георгия Петровича Сазонова, другого «горячего почитателя Распутина», как его (опять же справедливо) характеризуют те же новые поклонники «старца». И знакомого Распутина – одного из таинственнейших людей Петербурга – врачевателя Бадмаева, лечившего тибетскими травами важнейших царских сановников. И показания дам, подозревавшихся в самых близких отношениях с Распутиным: баронессы Кусовой, певицы Варваровой, вдовы есаула Воскобойниковой, кокоток Трегубовой и Шейлы Лунц. И, наконец, несколько длиннейших допросов его знаменитых поклонниц: Марии Головиной, «львицы петербургского света» Ольги Лохтиной, которую (как утверждали газеты) знакомство с Распутиным превратило в юродивую. И конечно же подруг царицы – Вырубовой и Юлии Ден.

«То Дело» позволило удостоверить и правдивость воспоминаний Жуковской, ибо в нем есть подробные показания самого Александра Степановича Пругавина. Знаток русского сектантства подтвердил все, о чем писала Жуковская: и свою помощь при ее знакомстве с Распутиным, и их совместные посещения «старца», и рассказы о нем Жуковской (как оказалось, впоследствии легшие в основу повести Пругавина о Распутине). Более того, эротизм писательницы, как считает Пругавин, «заставил ее стараться... до конца понять» загадочное учение «старца». Так что она хорошо знала, о чем писала...

И еще один источник, о котором идет речь в «Том Деле». Враг Распутина, монах Илиодор, опубликовал за границей свою знаменитую книгу о «старце» – «Святой черт». Многие историки считали ее лишь пасквилем, не заслуживающим внимания. Но в «Том Деле» имеются мнения о книге людей, в ней упомянутых. Оказалось, в главном Илиодор правдив: письма Государыни и великих княжон у него действительно были, и цитирует он их правильно. Был у него и дневник Лохтиной – это подтвердила на допросе она сама. Ознакомившись с книгой Илиодора, и Лохтина, и епископ Феофан делают лишь частные замечания. Так что и этим источником пренебрегать не следует.

Дом из небытия

Среди документов, которые я получил из сибирских архивов, была опись имущества, принадлежавшего Распутину, сделанная тотчас после его гибели, – подробное описание его легендарного дома в Покровском. Теперь я знал каждое кресло в его комнатах, ковры, часы – всю эту «городскую обстановку» на втором этаже, где жили «дуры» (его петербургские поклонницы), и вековой крестьянский быт в комнатах его семьи...

Я видел то, что видел он. Я слышал его речь, которая звучит в его сочинениях. Я знал, каким видели его те, кто ему поклонялись. *Живой Распутин...*

Я мог начинать.

Эта книга – как бы завершение следствия о таинственном человеке, начатого Временным правительством в 1917 году. Своеобразное «Дело о Распутине», где свидетельствуют только те, кто его действительно знал.

И главное – в ней впервые зазвучат голоса тех, чьи показания оказались в «Том Деле».

Когда-то, завершая книгу о последнем царе, я опрометчиво написал: «Неужели никогда не закончить мне эту книгу?»

И вот опять толпа прежних знакомцев ворвалась в мою жизнь.

И опять мерещится все та же ночь – финал истории трехсотлетней империи в грязном подвале. И опять падает навзничь царь, и две девочки стоят на коленях у стены, закрывшись руками от пуль, и комендант Юровский вбегает в пороховой дым дострелить ползающего по полу мальчика...

Только теперь в этом дыму я вижу еще и бородатого мужика, который столько сделал, для того чтобы случился этот подвал! И который знал, что он случится!

Часть первая «Старец»

Глава 1 Загадочный странник

Легендарный период

Темна бóльшая половина его жизни... В 1917 году следователи Чрезвычайной комиссии беседовали с односельчанами Григория Распутина – безуспешно пытались восстановить его раннюю биографию. Но создали лишь идеологическую версию о вороватом и пьяном с юности мужике. Мало помогают и написанные в эмиграции воспоминания дочери Распутина Матрены – плод общей фантазии ее и помогавшей ей журналистки.

Между тем в архиве существует собственный рассказ Распутина об этом периоде. В 1907 году, уже став своим человеком в Царской Семье, он говорил «царям» о своих странствиях по Руси. Тогда, очевидно, и было решено записать его рассказы.

«Житие опытного странника» – так называлась запись... Но будем помнить: он излагал то, что хотели услышать его царственные почитатели – некое «Житие святого Григория», проще говоря, тоже легенду. Однако в этой записи мы можем найти следы самого интересного – таинственного преобразования Распутина. Добавлением будут служить те немногие документы о его прошлом, которые находятся в сибирских архивах.

Исчезнувший день рождения

Григорий Ефимович Распутин родился в слободе Покровской Тюменского уезда Тобольской губернии. Это затерявшееся в сибирских просторах маленькое село расположилось на берегу полноводной реки Туры, на большом тракте.

По этому тракту, протянувшемуся на многие сотни верст, гнали ямщики своих лошадей от уральского городка Верхотурья с Николаевским монастырем (который впоследствии так полюбит Григорий) по берегам Туры через Тюмень к Тобольску. По нему же через Покровское, мимо Распутинского дома, в страшном 18-м году поедет на Урал – на смерть – Царская Семья.

Загадочен сам день рождения нашего героя. До последнего времени биографы Распутина называли самые разные даты – в периоде с 1860 до 1870 года. Советские энциклопедии дают: 1864–65 годы.

По сей день в селе Покровском сохранились развалины Богородицкой церкви, в которой его крестили, а в Тобольском архиве – часть метрических книг из этой церкви. В одной из них есть запись о бракосочетании крестьянина Ефима Яковлевича Распутина, 20 лет, с девицей Анной Васильевной, 22 лет, дочерью крестьянина, которое состоялось 21 января 1862 года.

Анна исправно рожала дочерей, но они умирали. Наконец 7 августа 1867 года она родила мальчика, Андрея – вскоре умрет и он. (В семьях Гитлера и Сталина все дети, рождавшиеся до них, тоже умирали, будто Бог предостерегал от появления младенцев на свет в этих семьях.) И наступил 1869 год...

До этой даты в метрических книгах нет сведений о рождении Григория. Так что *ранее 1869 года он не мог родиться*, и данные в наших энциклопедиях неверны. Но... все книги, датированные этим и последующими годами, из архива исчезли!

Но в Тобольском архиве уцелела книга переписи жителей села Покровского за 1897 год, где рядом с именем Григория Распутина в графе «Год, месяц и день рождения по метрике», заканчивая все предположения, значится *10 января 1869 года*. 10 января – день святого Григория, потому его так и нарекли.

Кстати, путаницу с датой своего рождения старательно создавал и... сам Распутин. В «Деле Тобольской консистории» (в 1907 году) он заявляет, что ему 42 года (прибавляет себе 4 года). Через семь лет, в 1914-м, во время следствия по делу о покушении на него Хионии Гусевой он говорит: «Зовут меня Григорий Ефимович Распутин-Новый, 50 лет» (прибавляет 5 лет). В тетради, куда царица заносила изречения «старца», с его слов записано: «Уже я прожил 50 лет, шестой десяток наступает». Запись датирована 1911 годом, то есть Распутин прибавляет себе 8 лет.

Впрочем, его упорство прибавлять возраст нетрудно понять – ведь царица называла его «старцем»...

Старчество – особый институт русской церковной жизни. В былые времена старцами называли монахов, чаще всего – отшельников. Но к XIX веку так зовут уже монахов, «отмеченных особым знаком», которые благочестивой жизнью, постами и молитвами заслужили право быть «избранными Богом». Всевышний дал им силу пророчествовать и врачевать. Это «водители душ», заступники за людей перед Богом. Но «старец» в народном сознании – всегда человек в летах, старик, много переживший и отринувший все земное.

И «старец» Распутин стеснялся своих отнюдь не старых лет. Ведь он был моложе царя... Оттого он и прибавлял себе годы, что было нетрудно при его морщинистом, рано постаревшем крестьянском лице.

Отец Распутина, как показывают свидетели, допрошенные в Чрезвычайной комиссии, много пил, но потом совладал с собой, обзавелся хозяйством – владел земельным наделом, зимой занимался извозом, а летом, как все крестьяне Покровского, промышлял рыбной ловлей и подрабатывал грузчиком на пароходах и баржах.

Постыдная фамилия

Его фамилия происходит от стыдного слова «распута». Трогательные попытки исследователей Распутина образовать его фамилию от «распутицы» или «распутья» особого доверия не вызывают.

«Распутин... происходит от нарицательного «распута» – *безнравственный, непутевый*» (В. Никонов, «Словарь русских фамилий»).

«Распута» – *беспутный, непутевый, распутный человек*. Иногда служило мужским личным именем. При Иване Грозном на Белом озере жил крестьянин Василий Кирьянов, давший своим сыновьям имена Распута и Беспута» (Ю. Федосюк, «Русские фамилии»)... Это весьма сомнительное для «святого человека» значение фамилии и станет причиной того, что царь попытается ее поменять.

Рос он невзрачным, щедушным юношей, но уже тогда завораживал странным гипнотическим взглядом. И была в нем какая-то нежная мечтательность, вызывавшая насмешки грубых сверстников и притягивавшая девушек (по показаниям односельчан, его не раз заставляли с молодыми девками и не раз били).

Собирая по крохам биографию молодого Распутина, я нашел в газете «Новое время» за 1912 год статью известного журналиста М. Меньшикова о своей беседе с Распутиным. В ней – воистину поэтический рассказ самого «старца» о своем отрочестве:

«В 15 лет в моем селе, когда солнышко сильно грело и птицы пели райские песни... мечтал я о Боге... Душа моя рвалась вдаль... я плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем они... Так прошла моя юность... в каком-то созерцании, в каком-то сне. И потом, когда жизнь коснулась меня... я бежал куда-нибудь в угол и тайно молился»...

Из дневника хозяйки знаменитого петербургского салона, генеральши Богданович: «26 февраля 1912. Обедал с нами Меньшиков... сказал, что видел Распутина... что он верующий, искренний и прочее».

«Радость страдания»

В бумагах Чрезвычайной комиссии есть показания односельчан Распутина о его греховой юности: «Отец посылает его... за сеном и хлебом в Тюмень, верст за 80, а возвращается он пешком, идет эти 80 верст без денег, и побитый, и пьяный, и порой без лошадей».

В этом невзрачном молодом крестьянине жила опасная сила, находившая выход в пьянстве и драках. Тесно ему было от этой звериной силушки, как от тяжелого бремени...

«Неудовлетворен я был, – рассказывал Распутин Меньшикову, – на многое ответа не находил *и начал я попивать*». Пьянство было нормой крестьянской жизни. Пил отец, таким же становился и сам Григорий. Теперь все чаще нежная мечтательность, за которую звали его презрительно «Гришкой-дураком», сменялась страшным буйством. И уже другой односельчанин описывает «Гришку буйного, наглого, с разгульной натурой», который «дрался не только с посторонними, но и с родителем».

«А все-таки в сердце помышлял... как люди спасаются», – рассказывал Распутин в своем «Житии». И это, видимо, было правдой. Тупая жизнь односельчан – крестьянский труд от зари до зари, прерываемый пьянством, – какая это жизнь...

Тогда что же такое жизнь? Он не знает. И продолжается пьянство. Денег на загулы не хватало, начались опасные дела... Его односельчанин Картавец показывал на допросе: «Я поймал Григория на краже у меня острожья... Разрубив острожье, он сложил все на телегу и хотел увезти. Но я поймал его и хотел заставить везти краденое в волость... Он хотел бежать и желал было ударить меня топором. Но я в свою очередь ударил его колом и так сильно, что у него из носа и рта потекла кровь ручьем... Сначала я думал, что убил его, но он стал шевелиться... И я повез его в волостное правление. Он не хотел идти... но я ударил его несколько раз кулаком по лицу, после чего он сам пошел в волость... После побоев сделался он каким-то странным и глуповатым».

«Ударил колом... потекла кровь ручьем», драки кровавые, беспощадные – в Сибири привычное дело. Распутин был телосложения отнюдь не богатырского, но, как мы увидим далее, *обладал необыкновенной физической силой*. Так что побои пожилого односельчанина вряд ли произвели на него особое впечатление. Недаром, как описывает Картавец, он тотчас продолжил воровские дела: «Вскоре после кражи жердей у меня с выгона была похищена пара лошадей... Лошадей караулил я сам и видел, что к ним подъезжал Распутин со своими товарищами... но я не придавал этому значения... Через несколько часов после этого я обнаружил пропажу лошадей».

Лихие товарищи уехали в город продавать лошадей. Распутин же, по словам Картацева, почему-то не поехал с ними, вернулся домой.

Что-то и вправду произошло с Григорием во время побоев. И объяснением Картацева – «сделался он каким-то странным и глуповатым» – тут не обойтись. Не смог понять просто-

ватый мужичок темной, сложной природы Распутина. Видно, когда удар колом грозил погубить его, когда кровь залила лицо, Григорий испытал нечто... Избитый юноша ощутил в своей душе *странную радость*, то, что сам он потом назовет «радостью смирения, радостью страдания, поношения»... «Поношение – душе радость», – объяснял он через много лет Жуковской. Вот почему так покорно пошел Гришка на расправу в волостное правление. И потому после второй кражи не поехал в город продавать лошадей.

Может быть, с этого момента начинается его преображение. И односельчане, судя по всему, почувствовали перемену. Недаром после кражи лошадей, когда решался вопрос о высылке Распутина и его товарищей за порочное поведение в Восточную Сибирь, «по приговору общества выслали товарищей, а он уцелел»...

Пришла пора жениться – еще одни рабочие руки взять в дом. Жена его Прасковья (Параскева) Федоровна – из соседнего села Дубровного. Была она старше его, но в деревнях часто выбирали жену не за молодость и красоту, а за «крепость», чтобы могла хорошо работать и в поле, и дома.

Ему 28 лет, а он все еще живет в семье отца. По переписи 1897 года он не являлся самостоятельным: семью составляли «хозяин Ефим Яковлевич Распутин, 55 лет, жена его Анна Васильевна... сын Григорий, 28 лет, жена его Прасковья Федоровна, 30 лет». Все числятся земледельцами, и все неграмотны.

Прасковья была примерной супругой – родила Григорию сына и двух дочерей. Но главное – была хорошей работницей, а руки в распутинском хозяйстве были очень нужны. Ибо сам Григорий уже стал часто отсутствовать – ходил по святым местам. Его преображение окончательно свершилось.

«Я пришел к заключению, что в жизни Распутина, простого крестьянина, имело место какое-то большое глубокое переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее обратиться к Христу», – напишет впоследствии следователь Чрезвычайной комиссии Т. Руднев.

Тайна начинается

«Я жил, как говорится, «в мире» до 28 лет... был с миром, любил... то, что в мире», – рассказывал Распутин. 28 лет – рубеж, после которого и свершилось преображение.

Как и отец, он подрабатывал ямщиком – возил седоков на своих лошадях по тракту. И однажды пришлось ему везти в Тюмень Мелетия Зборовского, студента Духовной академии, впоследствии епископа и ректора Томской Духовной семинарии. Заговорили они о Боге – и разговор произвел переворот в душе молодого Распутина. Видимо, душа его ждала давно такой беседы – о «Боге милостивом, который ждет возвращения к Себе блудного сына до последнего человеческого вдоха, и в час двенадцатый прийти к Нему не поздно». Мелетий сказал ему главное: «Иди и спасайся».

И захотелось продолжения той беседы... Но от худо образованного сельского священника в Покровском не сумел получить Григорий то, что получил от будущего магистра богословия. И тогда решил отправиться сам на поиски духовной пищи – «ангельского хлеба души человеческой».

Начинается жизнь странника. Сначала идет он в монастыри, близкие от Покровского, – в тюменские и тобольские обители. Во время странствий вдоль берегов полноводной Туры, как он писал в «Житии»: «Я воображал в очах картину самого Спасителя, как Он ходил берегами... *Природа научила меня любить Бога и беседовать с Ним*». Языческое, первобытное поклонение

Природе важно для будущих его поучений: Бог, живущий в деревьях, звенящий в голосах птиц и глядящий из каждой травинки на путника...

В свое село Григорий возвращается иным. Именно тогда, в странствиях, он *постигает некую мистическую тайну*... И теперь его все чаще посещают видения, они становятся его реальностью. В этих видениях он все яснее «чувствует в себе Божественное»... «Как-то, – рассказывал он, – заночевал в комнате, где была икона Божьей Матери... посреди ночи проснулся и вижу, что икона плачет: «Григорий, я плачу о грехах людских. Иди, странствуй и очищай людей от грехов».

Но в Покровском не поверили вчерашнему пьянице и вору. Смеялись над ним и дома. И вот однажды, во время молотьбы, когда домашние стали потешаться над его рассказами, он «воткнул лопату в ворох зерна и, в чем был, опять пошел по святым местам».

Так он стал новым человеком – бросил пить и курить, перестал есть мясо и сладости. Он стал странником.

В старину странничество было важной частью жизни на Руси. Каждый крестьянин хоть раз в жизни совершал паломничество по святым местам – как правило, ходили в знаменитые монастыри, прославленные мощами великих святых и чудотворными иконами. Паломничали и дворяне (правда, в каретах, а крестьяне шли пешком с котомкой за плечами), и даже русские императрицы – Елизавета и Екатерина Великая. Но в конце XIX века странничество осталось уделом немногих. Святая Русь становилась легендой – уже редкие «Божьи люди» бросали свои хозяйства и дома, чтобы отправиться на поклонение святым иконам и мощам.

В «Житии опытного странника» Распутин рассказывает, как побывал он в киевских монастырях, в московских и петербургских храмах. Он шел пешком из своего сибирского села, шел тысячи верст по бескрайним дорогам с котомкой за плечами, прося о подаянии и ночлеге. И так – от села к селу, от храма к храму, от монастыря к монастырю... И крестьяне в селах почитали за Божеское дело дать ему пищу и приют. Они видели в странниках последних хранителей исчезающей богоугодной старины.

Порой на глухой дороге на беззащитного странника нападали разбойники. Распутин рассказывает в «Житии»: «Я говорил им: «Это не мое, это Божье... вы возьмите у меня все... я вам с радостью отдаю».

Наконец на бескрайней дороге показывалось село с церквушкой, и «колокольный звон веселил сердце». Но радость встречи с Божьим Храмом бывала омрачена: «Дьявол о плотском шепчет усталому путнику: «Стань на паперти, собирай милостыню – дорога дальняя, денег много надо... помолись, чтоб тебя взяли обедать и накормили послаще»... Как мне пришлось с этими помыслами бороться...»

Могущественный святой

Распутин знает: главная сатанинская хитрость – убедить людей в том, что сатаны нет. Но для него сатана не просто явь – он все время рядом: «Является в виде нищего, нашепчет усталому, мучимому жадной страннику, что до деревни много верст пути... но ты осенил себя крестным знаменем или запел херувимский стих... смотришь... тут и село».

Один из свидетелей, видевший его после очередного странствия, рассказывал в Чрезвычайной комиссии: «Он показался ненормальным... что-то пел... и размахивал, грозил руками»... Это останется у него навсегда – грозить сатане кулаками, призывая религиозными песнопениями Бога помочь в борьбе с дьяволом. «Враг хитрый... хочет вернуть в свою власть обретшую Бога душу... и люди ему помогают в этом... все следят за тем, кто ищет спасения, как за каким-то разбойником, и все стремятся его осмеять...» – напишет он в «Житии».

Странная нервная организация Распутина причиняет ему беды, особенно весной (весна – время трудное для людей с особой психикой).

«Всякую весну я по 40 ночей не спал, – вспоминал Распутин, – так и проводил время с 15 до 38 лет...» Но в мире видений и чудес, где он теперь живет, излечиться просто: надо только с усердной молитвой обратиться за помощью к святому. И он обращается к Симеону Верхотурскому.

Постоянным местом странствий молодого Распутина был Верхотурский Николаевский монастырь, основанный московскими царями еще в XVI веке. Стоял он на холме при слиянии двух маленьких речек, и шли сюда богомольцы со всей Сибири поклониться мощам праведного Симеона.

Симеон Верхотурский стал любимым святым Григория. С ним связывал он зарождение своей загадочной силы.

Симеон родился в самом начале XVII века, жил на берегах той же Туры, странником ходил по окрестным селам или уединялся у реки. (Григорий видел камень под елью, где любил сидеть святой.) Смерть Симеона последовала от чрезмерного воздержания и поста в 1642 году.

Через полсотни лет, как написано в «Житии святого Симеона», «заметили, что его гроб стал подниматься из земли и сквозь расщепившиеся доски увидели нетленные мощи». И начались исцеления на святой могиле. Первый, с кем случилось это чудо, носил имя *Григорий*. Он «взял землю с гроба, отер ею члены и исцелился...» С тех пор паломники со всей Руси шли к могиле Симеона. В начале XVIII века состоялось торжественное перенесение его мощей в Николаевский монастырь.

«Симеон Праведный Верхотурский врачевал мою болезнь бессонницы», – напишет Распутин. До смерти он будет посещать этот монастырь и возить туда своих почитательниц.

Симеона он призовет в помощники при первой своей попытке сблизиться с Царской Семьей. Икона с изображением святого станет первым его подарком «царям» – Симеон как бы сопроводит его на духовный подвиг. А когда жизнь Распутина пойдет под откос, Симеон сопроводит его и на смерть.

И летом 1918 года, когда погибнет Царская Семья, исчезнут и мощи святого Симеона Верхотурского, выброшенные из храма большевиками...

Во время преображения Распутина начинаются и его пророчества. Он рассказывал Жуковской: «Как посетил меня Господь... накатило на меня... и начал я по морозу в одной рубахе по селу бегать и к покаянию призывать. А после грохнулся у забора, так и пролежал сутки... Очнулся... ко мне со всех сторон идут мужики. «Ты, говорят, Гриша, правду сказал... давно бы нам покаяться, а то сегодня в ночь полсела сторело».

Так начинается слава Распутина и слухи о его чудесах. Епископ Феофан, в то время инспектор Петербургской Духовной академии, говорил о нем тогда: «Дано ему было затворять небо, и засуха падала на землю, пока он не велит раскрыться небесам».

Но теперь из своих странствий он все чаще «возвращался с двумя-тремя странницами, одетыми в полумонашеское одеяние».

У него появились последователи. Точнее – последовательницы...

Молельня под конюшней

Недаром один из последних великих русских святых, живший уже в XIX веке, Серафим Саровский ходил в окружении молодых девушек – найти готовых к религиозному подвигу среди мужиков становилось все труднее... И неудивительно, что Григорий находит горячих поклонниц среди женщин. Среди первых его «учениц» – Дуня и Катя Печеркины (не сестры, как часто пишут в его биографиях, но тетка и племянница), живущие у него «из-за хлеба» (в работницах).

Катя, тогда еще совсем молоденькая, поедет за ним в Петербург, станет его служанкой. Ей суждено будет увидеть лицо убийцы Распутина в ту декабрьскую ночь 1916 года...

Мужчин в «кружке» мало – его родственник Николай Распутин и двое односельчан – Николай Распопов и Илья Арсенов.

Во время расследования Тобольской консистории по обвинению Григория Распутина в сектантстве Николай Распутин покажет: «Моленная находилась тогда под конюшной». И свидетели подтвердят: «Собираются они в большом секрете и в подполе под конюшной поют и читают Евангелие, тайный смысл которого Распутин им объясняет». Но ничего более о «тайном смысле», открытом Григорием в молельне под конюшной, следствие не узнает.

Но в Покровском живет он недолго – покидает «учеников» и снова – в путь, по монастырям. Все суровой его странствия... «Теперь для опыта и испытания... не один раз приходил я в Киев из Тобольска, не переменял белья по полугоду... нередко шел по три дня, кушая только самую малость. В жаркие дни налагал на себя пост... не пил квасу, но работал с поденщиками, как и они... и убегал на отдохновение... на молитву», – рассказывал «царям» о своем преображении Распутин.

Но ничего не рассказал он о главном – о потаенных монастырских обителях, затерянных в глухих сибирских лесах, об удивительных верованиях – о том неофициальном «народном православии», которое, видимо, и оказало огромное влияние на полуграмотного сибирского мужика и его загадочное учение...

Потаенная религиозная жизнь столетиями существовала бок о бок с официальной церковью. И эта «другая Русь» поможет приподнять занавес над духовным миром Распутина.

Потаенная «Святая Русь»

Тысячу лет назад, в X веке, на Руси было принято христианство, но язычество так и не покинуло страну. Любопытный символ: христианские храмы на Руси часто имеют «в основании» святыни языческие. Как сказано в летописи: «Поставиши церковь святого Василия на холме, где прежде стоял кумир Перун...»

Языческие боги, от которых князья силой заставляли отказаться народ, продолжали незримо жить. Например, бог Велес, согласно древним верованиям «ведавший» плодородием, забавно преобразился в «угодника Божия святого Власия Чудотворца». Громыхавшего грозами Перуна заменил громыхавший грозами Илья-пророк... Языческий восторг перед природой, ее обожествление остались в людских душах. И та легкость, с которой народ после революции согласился по приказу большевиков уничтожить свои великие храмы, весьма напоминала легкость, с которой по приказам князей разбивали и жгли языческие святыни.

Тысячу лет целые края жили, соединяя язычество и православие. И святые целители существовали рядом с древними колдунами: целители лечили, а колдуны отводили (или насылали) порчу.

Заволжье и Сибирь были центрами этого опасного «народного православия».

Когда-то леса Заволжья сплошным массивом тянулись далеко на север. По берегам притоков Волги стояли редкие деревушки, разделенные непроходимыми чащобами. Тамошние православные жили отрезанными от остального «крещеного мира» и своими дикими обычаями походили на исконных обитателей тех мест, диких звероловов – черемисов и вотяков. «Жили в лесу, молились пенью (пням. – Э.Р.), венчались вокруг ели, а черти им пели», – так говаривали про жителей этого края.

В начале XVII века в непролазные дебри стали приходиться новые жители – дети кровавого Смутного времени... Смута закончилась призыванием на царство династии Романовых, и участники недавних мятежей, те, кто запятнал себя разбоем и кровью, бежали сюда от гнева

новых царей. В лесных краях укрывались они от кнутов и виселиц. Это была своеобразная «русская Америка».

Вскоре явились и новые беглецы. При царе Алексее Михайловиче прошла церковная реформа: подверглось «подновлению» Святое Писание, и было внесено изменение в обряд «творения креста» – отныне креститься верующие должны были тремя перстами. Но многие объявили новые тексты Писания и новый обряд «прельщением сатаны», по-прежнему крестились двумя перстами и читали только старые «Божьи книги».

Начался великий раскол. Официальная церковь жестоко карала «старообрядцев». И заточения, и казни, и коллективные самосожжения сторонников старой веры – все было... Теперь в бескрайних лесах Заволжья и Сибири возникали их обители, до которых не могла дотянуться рука власти. «После раскола они держат своих попов и знать не хотят наших архиереев», – вынуждены были признать иерархи официальной церкви.

Но с развитием промышленности и вырубкой лесов раскольничьи обители отступали из Заволжья за Урал – в непроходимую сибирскую тайгу. Все триста лет Романовской династии жила неофициальная, но достаточно могущественная тайная «народная церковь».

Царь правит церковью

То, что начал Алексей Михайлович, – страшно продолжил его сын Петр Великий. Сей царь-реформатор уничтожил древнее патриаршество, открыто издевался над старинными церковными обрядами. Он учредил Святейший Синод для управления делами церкви, во главе которого стоял назначаемый царем обер-прокурор (само иноземное название этой должности звучало оскорблением для верующих).

Отец Николая Александр III был человеком искренне религиозным, но церковь при нем влачила все то же подчиненное власти царя существование. Во главе Синода стоял любимец императора Константин Петрович Победоносцев. Это был умнейший человек, но весь его ум (как часто бывает в России) был направлен на подавление. Малейшее проявление свободы мысли и слова подвергалось его беспощадной атаке. Любой закон, могущий хоть как-то смягчить беспредельную власть царя над церковью, губился Победоносцевым на корню. Будучи обер-прокурором, этот глубоко верующий человек только и делал, что загонял великий, бесконечный мир церковной жизни в рамки беспощадного бюрократизма, заставлял церковных иерархов знать один закон – повеление царя и обер-прокурора. Официальная церковь находилась в состоянии глубокой летаргии.

А между тем общество кипело. Незадолго перед смертью Александр III имел разговор с одним из своих доверенных людей, генерал-адъютантом Рихтером. «Я чувствую, что дела в России идут не так, как следует», – сказал царь и попросил генерала высказать свое мнение. «Я много думал над этим, – ответил Рихтер, – и представляю страну в виде колоссального котла, в котором происходит брожение, а кругом котла ходят люди с молотками. Когда в его стенке образуется малейшее отверстие, они тотчас его заклепывают. Но когда-нибудь газы пробьют такой кусок, что заклепать его будет невозможно, и мы все задохнемся!»... И «Государь застал, как от страдания», – вспоминал Рихтер...

Слабая церковь не могла помочь монархии в случае катастрофы. Люди, стоявшие на распутье, все чаще шли со своими проблемами или в революционные кружки, или к юродивым и старцам, или к сектантам – в затерянные в лесах обители.

Пророчества старцев и «Русская мечта»

Жизнь Распутина перевалила за половину. Четвертый десяток ему пошел, а он все ходил по монастырям...

Трапезная... Свет лампад, старинные оклады, темные лики на иконах... В три ряда до самых окон – столы, а вокруг них скамьи. Здесь сидит не только монастырская братия, но и пришедшие в монастырь богомольцы – всем нашлось место за трапезой.

Какая галерея лиц, типов... Сколько подавленных или побежденных страстей... Сколько поучительных жизненных историй... По лицам научился Распутин читать жалкие людские страсти. Видел он великую силу святости, которая помогала лечить неизлечимые болезни. Но знал он и сибирских колдунов-врачевателей, донесших из языческого прошлого тайны исцелений и заговоров. Тысячи лиц, встреч, исповедей и ночных разговоров...

Во главе среднего стола – старинное кресло, обитое побуревшей от времени кожей. Здесь сидит настоятель. Под киотом с иконами – книги в старых черных переплетах и кандия – медная чашка с крестом, служащая колокольчиком. Сколько раз слышал странник Григорий Распутин ее звон, призывающий к трапезе... Сколько раз смотрел во все глаза на неприметных с виду монахов-старцев, слушал рассказы о духовных подвигах в монастырях...

Великие старцы, достигшие нравственного совершенства и стяжавшие недоступную миру премудрость, жили в монастыре, как самые обычные монахи. Суровые уставы не позволяли выносить за монастырские стены духовные приобретения, оберегали подвижников от мирских соблазнов. Но то, что монах прятал от людей днем, ночью заносилось дрожащей старческой рукой в тетради.

У старцев учился Григорий ласковой, полной любви речи. Услышал он и их пророчества о гибели, нависшей над Романовским царством...

Мы знаем о подобных пророчествах оптинских старцев и Серафима Саровского. Но сколько других прозрений безвестных старцев погибло в разоренных Гражданской войной и уничтоженных большевиками дальних монастырях!

И это ощущение катастрофы, нависшей над царством, вынес Григорий из своих странствий. Узнал он и о новом духовном сообществе, подчинявшем сотни людей и тайно захватывавшем целые монастыри. Это удивительное движение, могучее фанатичной верой своих членов, кощунственно связало воедино изуверство, блуд и веру в Бога. Оно сыграло свою роль и в судьбе Распутина, и в судьбах империи.

Если другие христианские секты пришли к нам с Запада, то секты хлыстов и скопцов – русское явление. Забитость народа, жестокое угнетение крестьян, преследование старых обрядов родили «русскую мечту» о скором приходе Избавителя. Сначала ждали «земного» справедливого властителя – и оттого на протяжении двухсот лет, в XVII и XVIII веках, в стране непрерывно появлялись самозванные «цари».

Самозванчество было во всех странах, но только в России оно приобрело небывалый размах и пользовалось небывалым успехом. Первый великий самозванец, беглый монах Григорий Отрепьев, объявил себя сыном Ивана Грозного и сумел сокрушить могущественного Бориса Годунова. И правил Московским царством, пока не убили его бояре. Но вместо одного самозванца тотчас явилось множество. Народ охотно шел в отряды этих «царей», и Русь потонула в великих кровавых мятежах Смутного времени.

Больше ста самозванцев объявились в России в течение двух столетий. Один из них, неграмотный казак Емельян Пугачев, к изумлению Европы, едва не победил саму Екатерину Великую!

Одновременно с самозванными «царями земными» появлялись и самозванные «цари небесные»...

«Христы»

Хлысты объявились в России в том же XVII веке – в царствование первых Романовых. Родоначальником хлыстовской секты стал некий Данила Филиппович, объявивший себя

«богом Саваофом». Как описывают хлыстовские предания, «сей Данила Филиппович спустился с неба в превеликой славе в огненной колеснице» и остался на земле в образе человека. По той же хлыстовской легенде, за 15 лет до сошествия «Саваофа» Данилы Филипповича родился от столетней «богородицы» «сын божий Иван Суслов». В 30 лет он был позван «Саваофом» Данилой Филипповичем, и тот сделал Ивана «живым богом» – «христом».

Так на грешной Руси появились «бог Саваоф» и «сын его Христос». И родившая «христа» «богородица». Они пришли защитить нищий обиженный народ.

Согласно преданию, первого «христа», Ивана Сулова, бояре схватили, привезли в Москву и распяли у кремлевских ворот. Но он конечно же воскрес. И опять его распинали, и опять он воскресал. Впоследствии и Сулов, и его мать умерли (точнее, «вернулись на небо»), а новыми «христами» и «богородицами» стали другие люди. Но эта тленность хлыстовских «живых богов» совсем не смущала их темных последователей, ибо, по хлыстовским верованиям, с уходом из земной жизни очередного «христа» Святой Дух поселяется в новом теле. Так что много «мессий» жило в то время на горемычной русской земле...

Эта простодушная смесь язычества и православия должна была появиться в темной, беспощадно угнетаемой рабской России. Учение хлыстов открывало перед забитым крестьянином мир беспредельных возможностей, ибо говорило: каждый мужчина может стать «христом», каждая женщина – «богородицей». Надо только изгнать плотский грех, праведной жизнью и молитвами подготовить душу к сошествию в нее Святого Духа – взрастить в себе Христа, стать им. Святой Дух материально вселялся в души людей – эта мистическая буквальность была радостно принята неграмотными крестьянами. И каждая хлыстовская община («корабль», по терминологии хлыстов) имела своего «христа» и свою «богородицу».

Народ сначала звал сектантов «христами». Но принятый в секте обряд самобичевания – *хлестания* прутьями и жгутами (восходящий к языческим временам, но причудливо соединившийся с евангельским бичеванием Христа) дал секте новое название – «хлысты». Сами они называли себя «Божьими людьми», позднее – «христововерами».

Подготавливая души для прихода Святого Духа, они, естественно, проповедовали крайний аскетизм, но весьма неожиданно: подавление похоти проходило через... беспредельный разврат. Отказ от плотской жизни в семье в некоторых хлыстовских сектах выливался в беспорядочные половые связи между членами секты – «свальный грех». Это происходило на «радении» – главном хлыстовском обряде, опять же идущем от языческих колдунов и шаманов. Хлысты считали, что во время «радения» на них нисходит Святой Дух. И тогда все члены секты старались зачать как можно более «христов» и «богородиц», ибо эти дети будут рождены от Святого Духа. Зачатие происходило в великом безумии, предваряемом хлыстовской пляской.

Вот описание такого «радения» на маленьком острове в Каспийском море. Когда-то туда бежали старообрядцы, но уже в XVIII веке появились там и беглые хлысты. Их обычаи на острове сохранялись и в 60-х годах нашего столетия.

«В белых льняных рубахах, надетых на голое тело, спускались они в подпол избы... Там, в сухом подполе, зажгли свечи. В полутьме запели духовное, как объяснили потом – стих из пасхального канона: «Зряще веселимся божественно, яко воскрес Христос». После чего маленький старичок с радостными светлыми глазами – местный «христос» – в мерцании свечей пропел хлыстовскую молитву... А потом с юношеской энергией начал «радеть» – вертеться на одном месте, крестясь и беспрестанно хлеща себя по телу. Хор пел молитвы... Все яростнее голоса, все жгуче, страстнее молятся – так, что некоторые уже в голос кричат, рыдают. Но вот старичок остановил свое верчение и дико вскричал: «Братцы! Братцы! Чую – Дух Святой! Бог во мне!» И начал пророчествовать, выкрикивая нечто нечленораздельное, в котором проступали отдельные выкрики: «Ой, Дух!.. Ой, Бог!.. Ой, Царь-Дух!..» После этого и начался общий

и главный обряд «радения» – всеобщее верчение и пляска... Они верили, что в этом верчении-пляске меж ними появляется Святой Дух, и что в их поту воскресают капли Его пота во время моления в саду Гефсиманском. И, видимо, испытав физиологическое действие верчения, действующее на мозг подобно алкоголю, они называли его «духовным пивом»...

Все летит вихрем. Уже нет вертящихся людей – только волосы развеваются, широкие белые одежды кружатся... визги, крики... Пот течет ручьями – они в нем выкупались, как в бане... Пламя свечей колеблется и гаснет. И в темноте, опьяневшие от неистового верчения, они падают на пол...»

В этот миг на некоторых «кораблях» хлысты и «соединяются в любви». Но «свальный грех» – грех лишь для непосвященных. Хлысты же уверены, что грешат для подавления плоти – чтобы стать чистыми, чтобы воссияла в их душах братская «Христова любовь», освободившаяся от всяких плотских помыслов.

Грехом гнать грех – хлыстовское откровение.

В хлыстовщине – опасная отвага души: не бояться греха. Хлысты учат: за грехом у верующего всегда следует глубокое страдание от содеянного, а следом – глубокое покаяние, великое очищение души, приближающее человека к Богу. Необходимая «гимнастика души»: грех – покаяние – очищение...

Без хлыстовской идеи избавления от греха через грех, без понимания этой «духовной гимнастики», самого сознания важности, необходимости греха – невозможно понять Распутина.

Официальная церковь с самого начала признала опасность секты и боролась с хлыстами. В Москве в 1733 году осудили 78 человек, руководители были казнены, остальные сектанты сосланы в отдаленные монастыри. Была раскопана могила Даниила Филипповича в Ивановском монастыре и сожжен его прах. Но это не остановило хлыстовского движения.

С начала XIX века к хлыстам уже шли не только неграмотные крестьяне. В самом Петербурге, в Михайловском замке, бывшей резиденции императора Павла I действовала тайная хлыстовская секта. Во главе ее была «богородица» Татаринова, урожденная баронесса Буксгевден. При замужестве она перешла из лютеранства в православие, и в тот момент «почувствовала, как в нее вселился Святой Дух», познала в себе дар пророчества. В безумных ночных хлыстовских верчениях, сопровождаемых бессвязными заклинаниями баронессы, участвовала высшая петербургская знать: генералы, князья, крупные чиновники – гофмейстер двора Р. Кошелев, министр просвещения и духовных дел князь А. Голицын... Сектанты тщательно охраняли тайну от непосвященных. Все царствование Александра I продолжалась деятельность секты Татариновой. Но обряды, носившие вначале строго аскетический характер, постепенно превратились в оргии. В 1837 году, уже при Николае I, Татаринову арестовали и заточили в монастырь.

И все же знатные люди, принявшие хлыстовство, были исключением. Хлысты оставались прежде всего крестьянской сектой – «странным народным православием».

Изуверские русские ереси

Идея «очиститься от греха через грех» вызывала сомнение у некоторой части «Божьих людей». И тогда мечта о победе над похотью и блудом, без которой невозможно стать «христом», родила новую, изуверскую идею.

В середине XVIII века из секты хлыстов выделилась секта скопцов. Ее основатель Кондратий Селиванов стал клеймить половую распущенность хлыстов и проповедовать абсолютный аскетизм, который, по его словам, достигался только «огненным крещением» – кастра-

цией. Основой учения скопцов стала строка Евангелия от Матфея, где Христос в беседе с учениками говорит: «...есть скопцы, которые осклоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами *для Царства Небесного*. Кто может вместить, да вместит».

Эти слова были поняты полуграмотными крестьянами как руководство к немедленному действию – начались массовые самоизувержения. Ужасной процедуре мужской кастрации с помощью раскаленного железа (употреблялся и топор) сопутствовала еще более страшная операция у женщин – вырезались наружные половые органы, сосцы и целиком груди. Была изобретена «высшая степень» осклопления – отрезание мужского полового органа «под корень»...

Все эти страшные уродования тела совершались членами секты добровольно. Скопцы готовились к вечной жизни и, опираясь все на ту же фразу из Евангелия от Матфея, верили в свои преимущества по сравнению с обычными людьми. И оттого песни на их «радениях» были полны радости и ликования.

Скопчество, как и хлыстовство, не осталось без внимания аристократии. Добровольно осклоплялись помещики, офицеры и даже священники. Сам царь Александр I уделил время беседе с Селивановым. И после этой беседы у скопцов появилась идея: направить своих «христов» на помощь царю, на спасение царства, которое тонет в воровстве чиновников и безверии. Был составлен целый проект грандиозного преобразования России с «Божьими людьми» во главе. При особе императора должен был состоять главный «христос» – сам Селиванов – и при каждом министре предполагалось иметь по «христу». Проект был представлен Александру I в 1803 году. Идея рассердила царя, и автора проекта, польского дворянина скопца Елянского, отправили на покой в монастырь.

Ничего! Еще придет время для «Божьего человека» править страной...

Тайные странствия по тайным «уголочкам»

Но скопцы не стали массовой сектой – ею по-прежнему оставались хлысты. К концу XIX века их мощные «корабли» раскинулись по всей Сибири, распространились хлыстовские секты и по Европейской России. На Втором съезде РСДРП Ленин говорил о хлыстовской тайной организации, которая уже «охватила огромные массы деревень и хуторов средней части России и распространяется все сильней и сильней...»

Хлыстовские общины были в Петербурге и его окрестностях, в Москве и в подмосковных городках. Марина Цветаева в автобиографическом очерке «Кирилловны» вспоминает, как в Тарусе поразили ее детское воображение хлыстовские «христос» и «богородица», приходившие в сад Цветаевых собирать яблоки...

По всему маршруту распутинских странствий стояли «корабли» – загадочные общины «христов» и «богородиц». Загнанные официальной церковью в подполье, они выработали правила поведения хлыстов в миру. «Наши», «свои» – так называли хлысты друг друга. Вместо имен они пользовались конспиративными кличками.

«Наши», «свои», клички – все это вскоре зазвучит в царском дворце, все это мы еще услышим и от фрейлины Вырубовой, и от самой царицы.

И в «сочинениях» Распутина мы найдем многие любимые мысли хлыстов, прежде всего – поношение официальных священников и презрение к книжной учености церковных иерархов. «Мне пришлось много бывать у архиереев, много я беседовал с ними... *их учение остается ничтожным, а слушают простые слова твои...* Ученость для благочестия ничего... Буква запутала им голову и свила ноги и не могут они по стопам Спасителя ходить». Оттого-то служители церкви и не могут дать верный совет нуждающимся в пище духовной... И Распутин добавляет важную фразу: «Кто может совет дать, так *они в уголки позагнаны...*»

«Позагнаннные в уголки» хлыстовские секты, разбросанные по всей России, поддерживали между собою непрерывающуюся тайную связь. Для нее использовались посланцы – «серафимы» или «летучие ангелы», странники, бесконечно путешествующие между «кораблями».

Может быть, здесь и скрыта загадка первой половины беспокойной жизни «опытного странника»? В «потаенной Руси», в хлыстовской секте он начал свой путь к Богу. Там он познал мистическую тайну – возможность воспитать в себе «христа». Недаром уже тогда, в темный период его жизни, возникло это расследование...

Первое обвинение

В 1903 году, когда известность Распутина начинает доходить уже до Петербурга и начинается его первое преследование со стороны церкви, в Тобольскую консисторию доносят о том, как странно ведет себя этот «Божий человек» с женщинами, приезжающими к нему «из самого Петербурга», об их «страстях, от которых он избавляет их... в бане»... И о том, что уже в молодости Распутин «из своей жизни на заводах Пермской губернии вынес знакомство с учением ереси хлыстовской».

В Покровское был послан следователь, однако ничего порочащего он в тот раз не обнаружил. Но с тех пор и до смерти Распутина не оставит имя «хлыста».

Глава 2 Путь во дворец

Завоевание столицы

Ему исполнилось 33 года. И, видимо, не случайно в это время (возраст Христа) он начинает готовиться к путешествию в столицу, куда уже пришел слух о нем. Он еще молод. Но его лицо в морщинах от солнца и ветра бесконечных странствий. Мужичье лицо, оно порой и в двадцать пять – лицо старика...

В странствиях научился он безошибочно распознавать людей.

Святое Писание, поучения великих пастырей, бесчисленные проповеди, им выслушанные, – все впитала его цепкая память. В хлыстовских «кораблях», где соединяли языческие заговоры от болезней с силой христианской молитвы, учился он врачевать. Он постиг свою силу. Ему достаточно наложить на больного свои нервные, беспокойные руки – и болезни растворяются в них.

Накануне Первой русской революции появляется Распутин в Петербурге, чтобы погубить и город, и тот мир, который всего через 14 лет станет «Атлантидой», невозвратным воспоминанием...

*В гордую нашу столицу
Входит он – Боже спаси! —
Обворожает царицу
Необозримой Руси...
Как не погнулись – о горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?*

(Н. Гумилев)

Встреча со сталинским патриархом

В столице, наконец, заканчиваются легенды и предположения о Распутине. Начинается его история, подтвержденная показаниями свидетелей и документами.

В Петербург Распутин (по его словам) отправился, имея великую цель – выпросить деньги на строительство церкви в Покровском: «Сам я человек безграмотный, а главное, без средств, а Храм уже в сердце перед очами стоит...»

Войдя в великий город, «перво-наперво в Александро-Невскую Лавру пошел». Отстоял молебен и надумал отчаянное – «направиться к проживавшему в Лавре епископу Сергию, ректору Духовной академии». Воистину безумная выдумка! Вид у него был подозрительный – стоптанные сапоги, нищая поддевка, спутанная борода, волосы, причесанные, как у полового в трактире (так описал Распутина видевший его в том году монах Илиодор). И этот жалкий мужик направляется к покоям епископа и просит швейцара «оказать милость» – доложить о нем Сергию. «Швейцар оказал мне милость – дал в шею. Я стал перед ним на колени... что-то *особенное* понял он во мне и доложил». Так благодаря «чему-то особенному» попал мужик с улицы к самому епископу.

И тотчас его обворожил! Пораженный его речами, Сергей поселил безвестного мужика у себя в Лавре. И не только... «Владыка, – вспоминал Распутин, – познакомил меня с высокопоставленными».

Среди «высокопоставленных» – знаменитый аскет и мистик Феофан, которого принимают в царском дворце.

Так описал свой приход в Петербург Распутин в «Житии опытного странника». Но легендарный период закончился. В «Том Деле» оказались показания «высокопоставленного» Феофана о первой встрече с Распутиным, совершенно опровергающие его выдумку..

На допросе в 13-й части Чрезвычайной комиссии Феофан, епископ Полтавский, 44 лет, показал: «Впервые Григорий Ефимович Распутин прибыл в Петроград зимою во время русско-японской войны из города Казани *с рекомендацией ныне умершего Хрисанфа, vicария Казанской епархии*. Остановился Распутин в Александро-Невской Лавре у ректора Петроградской Духовной академии епископа Сергия».

Так что – не было «несчастливого странника», который униженно молил швейцара «оказать ему милость». Распутин прибыл в Петербург с рекомендательным письмом от одного из могущественных иерархов церкви и конечно же не только незамедлительно был принят Сергием, но и поселен в Лавре.

Кстати, Хрисанф не случайно дал Распутину письмо именно к Сергию. Это имя гремело тогда не только в церковной среде. В те годы 40-летний епископ вел знаменитые религиозно-философские собрания. Они воистину стали событием в жизни общества и... отчаянной попыткой преодолеть губительное разъединение официальной церкви и интеллигенции.

Узкий вытянутый зал Петербургского Географического общества набит до отказа. Представители духовенства и знаменитые деятели русской культуры говорят о духовном кризисе в стране, об опасной деятельности сект. Интеллигенция с горечью упрекает церковь в том, что она все чаще ассоциируется в обществе с мракобесием, что проповедники не раскрывают пророческую и мистическую сущность христианства, но говорят лишь о «загробном идеале», забывая о земной жизни.

Епископ Сергей, автор смелых богословских исследований, недавно назначенный главой Духовной академии, сумел в накаленной обстановке, в ярости споров найти нужный тон. Он

представал перед собравшимися не исполненным важности иерархом, но просто добрым христианином, который будто говорил: «Любите друг друга, не надо ссориться, и только так спасем страну...»

Всего состоялось 22 встречи, 22 жарких диспута. В апреле 1903 года обер-прокурор Победоносцев запретил собрания.

Удивительны судьбы человеческие! В 1942 году Сталин решит восстановить патриаршество. И первым Патриархом всея Руси станет Сергей.

Хрисанф верно выбрал покровителя Распутину: будущий Патриарх был открыт новым веяниям, народный пророк из Сибири был ему очень интересен. И Распутин не обманул ожиданий – «особенное» в пришельце воистину поразило Сергия. И он представил Распутина «высокопоставленным».

Из показаний Феофана в «Том Деле»: «Как-то он (Сергий. – Э.Р.) пригласил нас к себе пить чай и познакомил впервые меня, нескольких монахов и студентов с прибывшим к нему Божьим человеком или «братом Григорием», как мы тогда называли Распутина... Он поразили всех нас психологической проникновенностью. Лицо у него было бледное, глаза необыкновенно пронизательные, вид постника. И впечатление производил сильное».

В Петербурге уже ходили слухи о необычайном даре Распутина, и «высокопоставленные» захотели пророчеств. И «брат Григорий» потряс их...

«В то время, – продолжает Феофан, – находилась в плавании эскадра адмирала Рожественского. Поэтому мы спросили Распутина: «Удачна ли будет ее встреча с японцами?» Распутин на это ответил: «Чувствую сердцем, утонет»... И это предсказание впоследствии сбылось в бою при Цусиме».

Что это было? Умный крестьянин познал изнутри всю слабость великой страны? Или попросту был в курсе того, о чем писали тогда все русские газеты, – эскадра, составленная из допотопных кораблей, открыто, без всякой секретности плывшая сразиться с современным японским флотом, была обречена? Или... или дано ему было постигнуть тайное?

Далее Феофан рассказал, как Распутин «студентам Академии, которых он видел впервые, верно сказал – одному, что тот будет писателем, другому... указал на болезнь его, а третьему пояснил:

«Ты простая душа, но этим злоупотребляют твои друзья...» После этого случая Феофан окончательно поверил в пророческий дар Григория. «В беседах Распутин обнаруживал тогда не книжную начитанность, а добытое опытом понимание тонких духовных переживаний. И пронизательность, доходившую до прозрения...»

«Черные женщины»

Итак, Распутин произвел сильное впечатление на Феофана, который даже пригласил «брата Григория» переехать жить к нему на квартиру. И уже вскоре благодаря Феофану Распутин оказался в одном из самых влиятельных домов в Петербурге – во дворце великого князя Петра Николаевича.

Во дворце главенствовали две женщины – Милица и Анастасия, дочери черногорского короля Николая Негоша. Старшая, 37-летняя Милица, была женой Петра Николаевича. Годом младшая Анастасия (Стана, как ее звали в семье) была замужем за герцогом Лейхтенбергским, имела от него детей. Но с сестрой была неразлучна – дневала и ночевала в ее дворце.

Частым гостем Милицы был родной брат ее мужа, великий князь Николай Николаевич. И очень скоро светские сплетники объявили о романе Станы с великим князем... 47-летний

гигант, лихой кавалерист, любимец гвардии – одна из колоритнейших фигур того времени. «Грозный дядя» – так звала его молодежь в Романовской семье – был очень близок к царю.

Но еще ближе к царице были черногорские принцессы. С первых дней в России Аликс столкнулась с холодным недоброжелательством двора, и только черногорки сумели окружить ее теплом и почти рабским поклонением.

Двор почувствовал угрозу. В случае брака Станы с Николаем Николаевичем образовывался влиятельнейший клан – опасный клан... Двор знал и мощь влияния Аликс на царя, и расстановку сил в семье Николаевичей. Князь Петр – безволен и нездоров, а о «Грозном дяде» вдовствующая императрица Мария Федоровна отозвалась так: «Он болен неизлечимой болезнью – он глуп». Скажем уклончивее – по-солдатски прямолинейно... Но оба Николаевича находились под сильным влиянием старшей черногорки – умной и властолюбивой Милицы.

Милица слыла великим знатоком мистической литературы, страстно интересовалась сверхъестественным. Ей послушно следовала сестра Стана – недаром они родились в Черногории, стране ведьм и колдунов. «Черные женщины» – зло называли принцесс при дворе.

И Феофан не случайно был частым гостем во дворце Милицы: «Я больше других интересовался мистической стороной жизни... С особами царствующего дома я познакомился... в бытность мою инспектором Петроградской Духовной академии... Петр Николаевич и Милица Николаевна посещали Духовную академию и встречались там со мною... Я слышал, что особы царствующего дома хотят со мною познакомиться ближе, но, по своим убеждениям, как монах, я избегал этого... Как-то в страстную субботу великая княгиня Милица Николаевна пригласила меня к себе исповедовать ее. Не зная, как поступить, я обратился к митрополиту Антонию и с его благословения поехал к ней. И после этого стал бывать в ее доме...»

Феофану было о чем беседовать с Милицей. «Великая княгиня Милица Николаевна была очень начитанна... знала свято-отеческую, мистическую и аскетическую литературу и издала даже собственный труд – «Избранные места из Святых Отцов».

Из дворца Милицы для Феофана лежал прямой путь в царский дворец. «В дом бывшего императора... я был приглашен впервые великой княгиней Милицей Николаевной...»

Так что из бесед с Феофаном его новый постоялец мог догадаться, откуда идет дорога в Царскую Семью. И Распутин понял – скоро и ему «откроется калитка»...

Очередная загадка Распутина

И действительно, разве мог Феофан, пребывавший тогда в восхищении от сибирского мужика, не поделиться своими восторгами с Милицей, интересовавшейся всем чудесным? «Бывая в доме Милицы Николаевны, я проговорился, что у нас появился Божий человек Григорий Распутин. Милица Николаевна заинтересовалась моим сообщением, и Распутин получил приглашение явиться к ней».

А дальше – все было уже в руках Григория. Конечно, он сумел поразить великую княгиню и вскоре приходил к ней во дворец уже сам.

Из показаний Феофана: «Был он там без меня, и, видимо, привлек ее внимание, и его не только стали приглашать, но Милица Николаевна меня просила, чтобы я давал Распутину приют у себя, когда он будет приезжать в Петроград».

Но дальше начинается загадка. Согласно многим биографиям Распутина, Милица и Феофан ввели его в царский дворец. Однако в своих показаниях Феофан утверждает иное: «Каким образом Распутин познакомился с семьей бывшего императора, мне совершенно не известно. И я решительно утверждаю, что в этом я никогда ему ничем не содействовал. Догадываюсь, что Распутин проник в царскую семью не совсем прямым путем... Сам Распутин об этом не

говорил никогда, несмотря на то, что он вообще достаточно разговорчив... Я замечал, что у Распутина было сильное желание попасть в дом бывшего императора, и что проник он туда *против воли великой княгини Милицы Николаевны*. Сам Распутин сознавался мне, что он скрывает от Милицы Николаевны знакомство свое с царской семьей».

Но как же тогда попал безвестный сибирский крестьянин в Царскую Семью?

Глава 3 **В ожидании Распутина**

Страх и кровь царей

Семья, с которой познакомился Распутин, ждала его давно. Мистическое ощущение неминуемой катастрофы, владевшее тогда всем русским обществом, жило в этой Семье...

Николай II вступил на трон совсем молодым человеком и мог полагать, что ему удастся отпраздновать славный юбилей – трехсотлетие его династии. Но готовясь к великой дате, Николай, который любил историю (почетный председатель Русского исторического общества), не мог не задуматься о некоторых закономерностях в истории династии за эти 300 лет.

Как мало жили цари из рода Романовых... И как много пролитой крови... Петр Великий казнил сына Алексея, проклявшего, по легенде, и отца, и весь свой род. Жертвами семейных переворотов стали малолетний Иоанн Антонович и Петр III – оба убиты в царствование просвещенной Екатерины Великой... В столь любимом Николаем Царском Селе, где постоянно жила Семья, во дворце стояла мебель времен Екатерины, и в залах пахло теми же духами, что и в ее времена. Все было проникнуто воспоминаниями о великой императрице, в царствование которой... убили двух законных царей!

Через весь XVIII век шла эта эстафета семейных убийств, а в первый год нового, XIX века сын Екатерины Павел I был зверски убит участниками заговора, о котором, возможно, знал его собственный сын Александр! Да и как закончил свою жизнь сам Александр I, неизвестно. То ли, как было объявлено, умер в Таганроге, то ли, согласно преданию, в царском гробу похоронили другого, а царь ушел странником в Сибирь и, приняв постриг и имя «старца Федора Кузьмича», остаток жизни замаливал семейные грехи, омрачившие целый век. Во всяком случае, об искуплении этих грехов посмел говорить двоюродный брат Николая II известный историк великий князь Николай Михайлович, веривший в легенду о Федоре Кузьмиче и все пытавшийся отыскать ей подтверждение в секретном семейном архиве.

Да и сохранилась ли сама династия Романовых? Не закончилась ли она в дни царствования Екатерины Великой? В ее воспоминаниях, столь долго хранившихся в секрете в царском архиве, есть намек на то, что несчастный Павел рожден не от мужа, царя Петра III, но от любовника...

Кровь и тайны... Династия, которая была тайной для самой себя... Таково ее трехсотлетнее прошлое.

И сама столица, Петербург, – этот мистический город призрачных белых ночей, воздвигнутый на крови тысяч строителей, замученных жестокостями и болотной лихорадкой... был проклят одной из Романовых! Сосланная в монастырь первая жена Петра Великого Евдокия прокляла новую столицу ужасным криком: «Быть тебе пусто!»

Воспоминания о пролитой крови преследовали Николая с детства. Он рос в Гатчинском дворце – любимом дворце удушенного Павла I. Как вспоминала сестра Николая, великая кня-

гиня Ольга, слуги уверяли, будто видели ночью в дворцовых залах неприкаянный дух убиенного императора. И Ольга, и Ники боялись... и мечтали увидеть призрак прапрадеда.

Но кровь была не только в истории. Николай увидел ее в начале жизни, когда от ран, нанесенных бомбой народовольцев, скончался его дед Александр II. В тот день 13-летний Николай был объявлен наследником престола.

С крови началось его восхождение на трон...

«Иов Многострадальный»

С детства он молчалив, замкнут. Мистическое чувство – предопределенность несчастья – жило в юноше. Указанием на ужасное будущее Николай считал саму дату своего рождения – он был рожден «в день Иова Многострадального».

Его разговор с премьер-министром Столыпиным цитирует французский посол Морис Палеолог:

«– Знаете ли вы, когда день моего рождения?»

– Разве я могу не знать, Государь? Шестого мая.

– А праздник какого святого в этот день?.. Иова Многострадального. У меня более чем предчувствие... глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания».

Как эхо этого разговора звучат строчки воспоминаний великой княгини Ольги: «Он очень часто обнимал меня и говорил: «Я рожден в день Иова Многострадального, и я *готов принять свою судьбу*». Ту же тему продолжает грустная строка из письма царицы от 4 мая 1915 года: «Ведь ты родился в день Иова Многострадального, мой бедный друг...»

Ощущение грядущей гибели преследовало и нервную Алику. И потому скромная дармштадтская принцесса в ответ на предложение стать женой наследника российского престола (в которого была влюблена) залилась вдруг беспричинными слезами. «Она плакала все время и только от времени до времени произносила: «Я не могу...», – записал Николай в дневнике.

И как доказательство справедливости предчувствий была обильная кровь в день главного события их жизни – коронации, этого мистического обручения с Россией. Давка на Ходынке и сотни трупов, которые всю ночь вывозили с кровавого поля... Нетрудно представить, как все это подействовало на царскую чету, столь склонную к мистике.

И уже в начале XX века предчувствия становятся реальностью. Кровь стала частью российской жизни. Жестоко и часто начинают рваться бомбы русских террористов, гибнут царские сановники... Только в первые годы нового века от рук революционеров погибли министр просвещения, генерал-губернатор Финляндии и два министра внутренних дел. От смерти не спасала теперь никакая охрана...

Приблизились дни печали «Иова Многострадального». В его дневнике – покорные записи после гибели министров: «Нужно со смирением и твердостью переносить испытания, посылаемые нам Господом», «На то Его святая воля». Телец, предназначенный на заклание...

Но у жены его – иной характер. Она будет бороться с судьбой. И она ищет защитника от грядущих несчастий.

В поисках избавителя

Ее тогдашние неразлучные подруги – черногорские принцессы. Как справедливо говорил Феофан, «родившиеся в бедной стране, где аристократия гораздо ближе к простому народу». Они и принесли во дворец эту идею: в простом народе, в простых людях скрыты и правда, и чудо, и сила. Надо только заключить союз с народом напрямую, минуя мздоимцев-чиновников, чванливых придворных. «Народ и царь – и между ними никого»...

Кстати, это была идея, объединявшая всех русских интеллигентов, даже самых радикальных, ненавидевших царей и ненавидимых царями. Все наши «властители дум», столь часто ссорившиеся друг с другом и отрицавшие порой друг друга – Толстой, Достоевский, Тургенев, – все направления русской философской мысли сходились на этой идее: только простой народ, нищий, голодный, неграмотный и забытый, владеет некоей сокровенной истиной. Только там, во тьме нищих изб, остался истинный дух Христа, сохраненный постоянным страданием. Только у него, у простого народа, и следует учиться христианской жизни.

Русский царь исповедовал ту же идею!

Царь с нецарственным обликом, застенчивый, малорослый – он неугодно чувствовал себя на балах, на заседаниях правительства, в обществе царедворцев и министров, где (как ему казалось) его все время сравнивали с умершим гигантом-отцом. Насколько было радостней ему с простыми людьми – в атмосфере обожания, преклонения...

Так возник парадокс – царь начал стремиться к общению с простым народом. Один за другим приходят во дворец «народные посланцы» – их находят черногорские принцессы. Великий князь Николай Николаевич сообщает племяннику о некоем маленьком чиновнике Клопове, который жаждет донести до царя народную правду – пишет ему бесконечные письма о казнокрадстве в мукомольном деле. И вот уже письма принесены черногорками, с восторгом прочтены вслух Аликс и Ники... Голос человека из народа услышан, Клопов вызван во дворец. После беседы царь отправляет его по России с самыми широкими секретными полномочиями. Человек из народа должен принести во дворец народную правду о злоупотреблениях чиновников. Но первый опыт встречи с «народным посланцем» окончился конфузом: к сожалению, бедный Клопов не разобрался ни в чем, кроме своего мукомольного дела...

Однако начало положено. Дочь английской принцессы Аликс и сын датской принцессы Ники влюбились в благородную идею единения с простым народом.

В то время Аликс рождает девочек. Одна за другой появляются на свет три великие княжны – Ольга, Татьяна, Мария. Но родить мальчика, наследника, будущего венценосца – царица никак не может. Не может исполнить главного своего предназначения...

Но оказывается и тут могут помочь они – выходцы из простого народа. Ибо народ, в душе которого – Христос, таит в себе *неисчерпаемые возможности чуда*... И теперь во время встреч с черногорками Аликс выслушивает рассказы Милицы о «Божьих людях» и старцах, которым дана свыше особая, великая сила.

Лицо Милицы... «С большими продолговатыми черными глазами, усталыми и гордыми... оно казалось неживым, как лицо старинного портрета... Она была как-то неестественно бледна», – описывает ее Жуковская. Милица щедро открыла перед Аликс мир чудес, потрясший внучку скептической королевы Виктории. В нем все было переплетено – тайны Заратустры; языческий мир Черногории, где в горах, поросших лесами, живут колдуны, которым дано беседовать с мертвыми; и чудеса православных великих старцев из русских монастырей. Милица создала этот удивительный симбиоз, объединенный лишь одним – *манящей силой чуда*, которое творят простые люди, живущие далеко от суеты двора – этой жалкой ярмарки тщеславия.

Из показаний Вырубовой в «Том Деле»: «Милица Николаевна и Анастасия Николаевна, в особенности первая... имели вначале большое влияние на царскую семью... так сказать, мистическое влияние... Необыкновенно начитанная в мистической литературе, изучившая даже персидский язык для того, чтобы в подлиннике ознакомиться с персидскими мистиками, она считалась чуть ли не пророчицей».

Аликс умеет дружить, и главное – умеет *беззаветно верить*. Как умела беззаветно верить ее мать Алиса Английская, прославлявшая (точнее – обожествлявшая) немецкого религиозного философа Давида Штрауса.

Так начались поиски «Божьего человека», который вымолит ей сына у Бога.

Сначала во дворце появился Дмитрий Ознобишин, житель города Козельска, которого все называли просто Митя, а также «Козельский» и «Гугнивый» (он плохо выговаривал слова). В делах охраны есть его описание: «Носит длинные распущенные волосы, ходит круглый год босиком, опираясь на посох. Одет в рясу монашеского покроя». После революции газеты, издаваясь над царицей, будут писать об этом ее «избраннике» как о полном идиоте. Вырубова постарается в своих показаниях отделить Семью от жалкого Мити. «Мне кажется, он никогда не был во дворце», – солжет она Чрезвычайной комиссии. Нет, Митя бывал там, и не раз...

Из дневника Николая: «1906, 14 января. Пришел человек Божий Дмитрий из Козельска около Оптиной пустыни. Он принес образ, написанный согласно видению, которое он имел. Разговаривали с ним *около полутора часов*».

И этот полуторачасовой разговор – не случайность. Митя был человеком особенным. «Влияние его на народные массы огромно... он раздает бедным деньги, которые получает от почитателей. Распространен слух, что он обладает даром предвидения и ясновидения», – отмечено в делах департамента полиции.

Из показаний Феофана: «Блаженный Митя» несомненно обладал даром ясновидения, в чем я мог убедиться на собственном опыте: при первом свидании со мною он прекрасно и точно обрисовал обстоятельства моей жизни... Им... поразительно точно был предсказан ход японской войны, в частности падение Порт-Артура...»

Но Митины молитвы были тщетны – мальчика царица не родила.

И тогда появилась «Матрена-босоножка» с иконой. Но одетая в рубище босая женщина, выкрикивавшая, как пифия, малопонятные пророчества, исчезла из дворца так же внезапно, как появилась.

Из показаний Вырубовой: «О Матрене-босоножке я слышала... она приносила в Петергоф икону Государю, но ее саму я не видела». Однако отметим этот повод для появления в царском дворце – *чудотворная икона*, которая поможет родиться долгожданному сыну.

Таков был мир, в котором теперь жили молодые властители России – мир чудес, святых мощей, икон, чудотворцев. Они казались все более странными в Петербурге, где просвещенное общество становилось открыто атеистическим. «Я с удивлением смотрю на всякого верующего интеллигента», – писал Чехов Куприну.

Но царь и царица верили, что их мир продолжается где-то там, за пределами испорченной столицы, в далеких деревнях, разбросанных по бескрайней империи. Мир Святой Руси и простого народа, любящего Бога и царя.

И они ждали посланца из этого мира.

Но этот мир уже исчезал... Писатель и религиозный философ Сергей Нилус (которого Николай и Аликс будут читать в заточении) с горечью записал рассказ знакомой монахини в своей книге «На берегу Божьей реки»: «Приехала... монахиня... и рассказывала, что монахиням не стало никакой возможности ездить по железным дорогам: нет той ругани, насмешки, проклятия, которых бы не изливали на их бедную голову... сатанинская злоба... Приходится... надевать на себя синюю юбку, чтобы похоже было на мирскую старушку, а то проходу не дают ругательствами на монастыри и на монашествующих... Такова «Святая Русь»! Бедный народ! Жалкая Россия!»... И старцы, жившие в великих монастырях, с болью говорили: «Без-

божное, безверное время настало для православной России... одной плотью и ради плоти стал жить русский человек... По названию только слывет он православным христианином, а духом своим уже не тот он стал...» – приводил слова одного из подвижников тот же Нилус.

«Генеральная репетиция» явления Распутина

Черногорские принцессы нашли наконец подходящего чудотворца. Милица, коллекционирующая слухи о сверхъестественном, узнала о чудесах некоего месье Филиппа из Парижа.

Филиппа позвали в Россию. Этот чудотворец оказался привычней для Аликс – он был из европейского мира, который она лишь недавно покинула. И речь Филиппа не утомляла ее, как косноязычие Мити и бессвязные выкрики Матрены.

«Там (во дворце Милицы. – Э.Р.)... царская семья встречалась с прибывшим из Парижа христианским оккультистом Филиппом...» – показала на допросе Вырубова.

Его настоящее имя – Назьер Вашоль, уроженец Лиона. Он был предсказателем и врачом-вателем, объявлял, что ему дано беседовать с умершими и что живет он как бы на границе миров...

«Человек около 50 лет, маленький, черноволосый и черноусый, с ужасным южнофранцузским акцентом. Он толковал о падении религии во Франции, на Западе... Когда прощались, он попытался поцеловать мне руку, и я с трудом ее вырвал», – брезгливо отметил в дневнике великий князь Константин Константинович.

Филипп сразу почувствовал нервность, страх в душе царицы. Оценив ее религиозность, он попытался примирить свой колдовской мир со Святым Писанием, стал для нее «Божьим человеком, посланным помогать Божественной династии».

Он сумел удовлетворить и ее жажду чуда: щедро использовал полуцирковые аттракционы – весь тот потертый багаж, которым пользовались еще в XVIII веке великие авантюристы Казанова и Калиостро. И то, над чем потешались в Париже, произвело неизгладимое впечатление в Петербурге.

Ники, подавленный страстной верой Аликс, разделял ее восторги. Двор насмешливо следил за парижским магом, понимал: это очередная игрушка, придуманная черногорками для царственной подруги. «Милица познакомила императрицу с Филиппом... который знает как лечить все болезни, включая сифилис, – с иронией писал в своем дневнике член Государственного Совета А. Половцев. – И этот Филипп... обещал ей, что она родит сына, а не дочь».

Насмешливые рассказы придворных встревожили «мамá» – вдовствующую императрицу Марию Федоровну. «Она была очень рассержена на Милицу и Стану... По ее просьбе департамент полиции через свою агентуру в Париже решил проверить прошлое Филиппа. Отзыв пришел ужасный – французы назвали Филиппа темным авантюристом. Русский агент в Париже прислал ироническую статью из французской газеты о публичном гипнотическом сеансе Филиппа», – писал Половцев. Но все это несколько не повлияло на Аликс. Она умела верить, умела быть верной, и у нее была стальная воля.

Вообще у царицы было множество прекрасных качеств, отсутствовало лишь одно – умение прислушаться к мнению общества. К сожалению, без этого умения опасно находиться на троне – что доказывает история другой прекрасной женщины со столь же полным отсутствием этого умения – французской королевы Марии Антуанетты.

А двор роптал. Приняли меры. «Великий князь Сергей Михайлович сказал мне, что когда пришел из Парижа отчет от агента, неблагоприятный для Филиппа, император приказал прогнать этого агента в 24 часа», – писал Половцев.

Все это потом повторится в истории с Распутиным – и ненависть большой Романовской семьи, и слепая вера Аликс, и вздорные сплетни... Феликс Юсупов вспоминал рассказ

отца: однажды, гуляя вдоль моря в Крыму, князь встретил Милицу, ехавшую с незнакомцем, поклонился, но та не ответила. Через несколько дней при встрече Юсупов-старший спросил: «Почему же вы мне не ответили?» «А вы не могли видеть меня, – сказала Милица, – ведь я была с доктором Филиппом. А когда он надевает свою шляпу, он становится невидимым, и те, кто с ним – тоже».

Или другая веселая сплетня: Филипп поселен в царской спальне – он там колдует, чтобы Аликс родила наследника...

Самое печальное, что эти небылицы (как и впоследствии, в истории с Распутиным) шли из дворцов великих князей, обиженных фавором Николаевичей... И (так же, как и в будущей истории с Распутиным) вдовствующая императрица решила серьезно поговорить с Ники. Царь конечно же обещал матери убрать Филиппа. И конечно же Аликс оказалась сильнее. Она умолила мужа не трогать «Божьего человека» – и все осталось неизменным (как будет не раз в истории с Распутиным)...

И Филиппа они звали так же, как впоследствии Распутина, – «Наш Друг».

Письмо Толстого

В это время Аликс носила ребенка. И радость – «Наш Друг» предсказал мальчика! Но 5 июня 1901 года она родила... девочку, великую княжну Анастасию.

Из дневника сестры Николая, великой княгини Ксении: «5 июня... Какое разочарование: четвертая девочка!»

И (опять же, как в истории с Распутиным) Романовская семья попыталась заменить опасного мага. Великий князь Николай Михайлович нашел великую кандидатуру. Он отправился к самому знаменитому человеку в России, к опальному Льву Толстому. 6 ноября 1901 года Толстой записал: «На днях явился Николай Михайлович... и непременно желал познакомиться».

Толстой боролся тогда с официальным православием (вскоре его отлучат от церкви, предадут анафеме). И вся либеральная Россия, и весь мир прислушивались к голосу великого старца...

«Я – зараза. Зачем вы ко мне явились?» – спросил Толстой великого князя. Но вместо ответа Николай Михайлович стал долго и туманно убеждать писателя, что «царь очень добрый, отзывчивый человек, а все горе в окружающих». Он так и не посмел объяснить Толстому, что задумал вырвать несчастную Царскую Семью из-под влияния мага. Понимая, что многие идеи опального Толстого (как это ни парадоксально) совпадают с настроениями царя, великий князь решил уговорить его написать письмо Николаю. Толстой согласился. Но вместо ожидаемых высоких толстовских истин о величии души простого народа Лев Николаевич изложил царю политические идеи и щедро грозил политическими катастрофами.

«Любезный брат! Обращаюсь к Вам не столько как к царю, сколько как к человеку и брату... Третью России находится в положении усиленной охраны. Армия полицейских, явных и тайных, все увеличивается, тюрьмы и места ссылок переполнены... голод стал нормальным явлением...» Царь с изумлением прочел это революционное послание и наивно попросил Николая Михайловича успокоить Толстого: столь опасное письмо никому не будет показано.

«Я его об этом не просил», – разочарованно сообщил Толстой Николаю Михайловичу. Впоследствии он... сам опубликовал свое частное письмо к Государю за границей. Правда, смущенно записал в дневнике: «За эти дни вышло мое письмо к Николаю... Если бы против меня были приняты меры... чем жестче, тем лучше, это было бы мне приятно... Но мне кажется, что я поступил не деликатно в отношении Николая и Николая Михайловича».

После этого великий князь потерял к писателю всякий интерес. Теперь Толстой вряд ли мог влиять на царя, который вместо искренности увидел тщеславную игру.

«Как богата стала наша жизнь...»

Чтобы не сердить «мамá» и родственников, чтобы избежать сплетен двора, Аликс и Ники решают видаться с «Нашим Другом» тайно (как впоследствии и с Распутиным). Теперь, после всех обязательных светских дел, они спешат во дворец Милицы в Знаменке. От мирского, светного – к черногоркам и «Нашему Другу», в мир чуда.

Из дневника царя: «1901, 13 июля, Петергоф. В 2.30 поехали в Знаменку и сидели до 5 в саду. Наш Друг был с нами...»

«19 июля... Отправились в Знаменку... Весь вечер слушали Нашего Друга. Вернулись домой чудной лунной ночью...»

«20 июля... После обеда поехали в Знаменку и провели последний вечер с Нашим Другом. Помолились все вместе...»

Как им не хватает «Нашего Друга», когда он уезжает к себе в Лион!

27 августа Аликс написала Ники: «В субботу в 10.30 все наши мысли полетят в Лион... Как богата стала наша жизнь с тех пор, как мы его узнали... кажется, все стало легче переносить». «Переносить» – значит побеждать предчувствия, нервность. Филипп делает самое важное – он снимает с Аликс ее постоянный стресс, вызванный страхом.

Но главное – он свершил долгожданное чудо! Ники и Аликс счастливы: она беременна, и Филипп определил – будет мальчик. Правда, у докторов после скучных медицинских анализов появились сомнения... Но что значат ученые глупцы с их анализами по сравнению с человеком, общающимся с небом! И Аликс запретила врачам осматривать себя. Ее докторами становятся подруги-черногорки и Филипп. Все вместе они ждут рождения предсказанного наследника. Ее живот счастливо растет...

Прошло девять месяцев. И в августе 1902 года последовало постыдное...

Из письма великой княгини Ксении: «Представь себе, какой ужас... бедная Александра Федоровна оказалась вовсе не беременной... Мамá нашла ее в очень грустном настроении... хотя она говорит об этом с большой покорностью судьбе... Какой это должен быть удар по гордости!»

Аликс была беременна... мечтой. Половцев записал в дневнике то, что говорил по этому поводу двор: «30 августа 1902 года... Путем гипнотизирования Филипп уверил императрицу, что она беременна. Поддаваясь таким уверениям, она отказалась от свидания со своими врачами, а в середине августа призвала акушера Отта лишь для того, чтобы посоветоваться о том, что она внезапно стала худеть. Отт заявил ей, что она и не была беременна... Объявление об этом было сделано в «Правительственном вестнике» весьма бестолково, так что во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как, например, что императрица родила уроду с рогами, которого пришлось придушить, и т. п. Такой эпизод не поколебал, однако, доверия императорской четы к Филиппу, который продолжает в их глазах быть превосходным и вдохновенным человеком... Все это было бы смешно, если бы не было столь грустно».

Родственники забили тревогу. Филипп становится постоянной темой разговоров в Романовской семье (как впоследствии Распутин).

Великий князь Константин Константинович (знаменитый поэт, писавший под псевдонимом К.Р.) записывает в дневнике: «24 августа 1902 г. Сергей (великий князь Сергей Михайлович, друг юности Николая. – Э.Р.) утверждает, что Их Величества впали в мистическое настроение, что они в Знаменке молятся с Филиппом... проводят там долгие вечера... и возвращаются оттуда в каком-то восторженном состоянии, как бы в экстазе, с блестящими глазами и просветленными лицами... Мое мнение, что это больше смешно, чем опасно... но нехорошо то, что они покрывают свои посещения Знаменки тайной...»

«25 августа... Елена, дочь короля Сербии, сказала, что ее брат Юрий попал под влияние Милицы и Филиппа... говорил о том, что миссия Филиппа на земле подошла к концу... что он скоро умрет, но *явится в кругу друзей под видом другого человека*. Что за чепуха!.. Сергей сказал мне... о его большом беспокойстве по поводу визитов императора и императрицы в Знаменку...»

«6 сентября... Захожу к великому князю Владимиру Александровичу... он переходит к жгучему вопросу о Филиппе... Он считает великого князя Николая Николаевича главным виновником сближения... преступником в этом деле... и что проделки Филиппа навлекли на императорскую чету всеобщее посмеяние и поругание...»

Вся семья требует ухода Филиппа (как будет впоследствии требовать ухода Распутина). Но Аликс (и сейчас, и потом) докажет – она умеет верить и защищать тех, кому верит.

Элла из мира московского царства

Выпады родственников мужа Аликс перенесла спокойно – Романовская семья не любила ее, и она платила той же монетой. Но Филипп стал причиной ее первой размолвки с любимой старшей сестрой Эллой – великой княгиней Елизаветой Федоровной. Элла была замужем за дядей Николая – великим князем Сергеем Александровичем. На их свадьбе Ники впервые увидел белокурую красавицу Аликс и навсегда влюбился...

Сергей Александрович – генерал-губернатор Москвы. Древняя столица занимала особое место в жизни Николая и Александры. Ведь Петербург – это город-мираж, выстроенный среди финских болот под руководством французских и итальянских архитекторов, с ненавистной русской душе четкостью и прямизной проспектов, где ангел на колонне перед Зимним дворцом припадает к... католическому кресту. Это – столица западничества, воплощение стремления новой русской аристократии в Европу. Но символом народности оставалась Москва – столица первых Романовых, город бесчисленных церквей и столь милых русской душе невозможно перепутанных улиц... Элла и ее муж были хранителями этого «Царьграда».

Здесь оживала любимая легенда Ники и Аликс о «народных» царях древнего Московского царства, где не знатные вельможи, но люди святой жизни – старцы и юродивые – были главными советчиками Государей. И когда в преддверии трехсотлетнего юбилея династии Романовых, в 1903 году, Ники и Аликс начинают устраивать знаменитые «исторические» балы, в залы Зимнего дворца возвращается старая Москва. Придворные наряжаются в сверкающие золотом боярские платья, а сам Николай является в одеждах любимого предка – царя Алексея Михайловича.

Эллу, глубоко усвоившую идеи православия, не могла не тревожить дружба Аликс с помешанными на мистике черногорскими принцессами. Но она понимала одиночество сестры в холодном Петербурге и мирилась с этой дружбой.

Появление Филиппа заставило ее объединиться с остальными Романовыми. Элла знает характер младшей сестры – нападать на Филиппа напрямую, значит, упрочить его положение. И она терпеливо объясняет Аликс, что русские цари не нуждаются в иноземных колдунах, у них

есть покровители куда могущественнее – ушедшие на небеса русские святые. Там, в ином мире, они становятся заступниками за своих царей и народ перед Богом. Это великое назначение они осуществляют и в одиночку, и вместе, образуя Охранительный Собор или Золотую Цепь. И их заступничество не раз помогало московским царям, спящим вечным сном в Архангельском соборе...

Эта мистическая идея произвела впечатление на Аликс. Но умная Милица тотчас перехватила инициативу. И уже вскоре состоялся разговор Филиппа с царицей. Он объяснил ей, что неудача с беременностью – всего лишь результат ее слабой веры: как только она засомневалась, как только позвала акушеров – все было кончено. Чудо может возникнуть только при абсолютной вере, но Аликс оказалась пока к ней не готова, потому он и не смог ей помочь... И, к восторгу царицы, Филипп заговорил с ней о том же, о чем говорила так не любившая его Элла: Аликс должна попросить помощи у русского святого, который вымолит ей у Бога наследника. И повторил имя, которое Аликс уже слышала от Эллы.

Это был великий святой, тогда еще не канонизированный официальной церковью, – Серафим Саровский.

Царский святой

Прохор Мошнин (таково мирское имя Серафима Саровского) ушел из дома странником, был на поклонении во множестве монастырей. В родном селе ходил он в окружении девственниц – «Христовых невест». В результате – слухи, расследование, и тайна святости стала предметом полицейского разбирательства.

Потом он долго жил в безмолвии и воздержании, «был сыт одним словом Божиим, которое есть хлеб ангельский – им и питается душа»...

Серафим много говорил о святости царской власти, повторял слова Авессы, военачальника библейского царя Давида: «Если бы и всех нас побили, то лишь бы ты, господин наш, был жив... Если же тебя не будет, что будет тогда с Израилем?»

Николаю и Александре стало известно предсказание, записанное его почитателем Мотовиловым в 1879 году. В нем Серафим предрек их будущее царствие и свое грядущее прославление.

Серафим Саровский был объявлен покровителем Царской Семьи. Несмотря на сопротивление Синода, Аликс заставила Ники осуществить предсказание Серафима – он был канонизирован.

16 июля 1903 года императорский поезд прибыл на станцию Арзамас, и Романовская семья пешком двинулась в Саровскую пустынь и Дивеевский монастырь, где жил и молился Серафим.

18 июля после литургии Государь и великие князья с духовенством обнесли вокруг храма гроб с мощами нового святого. Так сбылось еще одно пророчество Серафима, записанное Мотовиловым: «Вот какая радость-то будет!.. Приедет к нам Царь и вся Фамилия».

Правда, было и другое его пророчество, о котором они тогда не знали – «...о грядущих ужаснейших бунтах, превышающих всякое воображение... о реках крови русской». Все это должно было случиться в их царствование.

Мир чудес и предсказаний все более становится для Аликс реальным миром. По вечерам в Сарове она и Ники сидят у камня, где Серафим когда-то возносил молитвы, купаются в водах его источника, уповая на помощь святого и моля о наследнике. Она начинает ждать... Серафим у престола Господня должен за них заступиться! И она родит сына...

Она все более становится царицей из кремлевского терема времен Московского царства.

Прощание с первым «нашим другом»

Вера победила. То, о чем Аликс молила святого Серафима, сбылось. Она дала жизнь красавцу младенцу, сероглазому принцу из сказки, рожденному, чтоб повелевать и вызывать восхищение.

Из записной книжки Аликс: «Наследник Цесаревич Алексей Николаевич рожден в понедельник 30 июля 1904 в 1.15 по полудни...»

Они дали ему имя в честь любимого царя из московской старины – Алексея Михайловича Романова.

А «Нашему Другу» вскоре пришлось вернуться в Париж. Великий князь Николай Николаевич, видимо, не выдержал семейного осуждения. И Филиппу объяснили необходимость отъезда.

Так закончилась генеральная репетиция прихода Распутина во дворец. А двор и Романовская семья сформулировали: «Бедный добрый Ники – он безволен, всем правит она. Он глядит на мир ее глазами».

Филипп (как он и предсказывал) довольно скоро, в 1905 году, покинул этот свет. И царица еще раз убедилась: не зря она ему верила, его пророчества воплощались в жизнь...

Она никогда его не забывала. Спустя много лет она напишет мужу: «Наш Первый Друг дал мне икону с колокольчиком, который предостерегает меня о злых людях и препятствует им приближаться ко мне...» Теперь Филиппу оставалось исполнить свое последнее обетование – «вернуться в другом облике».

Как он нужен был ей теперь! Ибо случилось ужасное – она оказалась причиной неминуемой и, возможно, скорой смерти долгожданного сына. Принц из сказки был болен наследственной болезнью семьи Аликс – гемофилией. Хрупкие сосуды наследника не выдерживали напора крови.

Впрочем, подобной болезнью была поражена сама империя. Ее сосуды изнашивались, стали слишком хрупкими. В самодержавном царстве пролилась кровь.

Кровавый пролог перед его приходом

Сначала Николая убедили начать войну с Японией. Военные объяснили, что можно спокойно занять земли в Маньчжурии, и Япония не осмелится на ответный удар. А если и посмеет, то «будет маленькая война и большая победа». «Маленькая война» стала большой и кровавой, «большая победа» обернулась позором поражений. «Больно и тяжело», – записывал царь в дневнике. Но это было только начало...

Наступил страшный 1905 год. Болезнь мальчика, катастрофы на фронте... И новое испытание – невиданная в России за все 300 лет его династии революция! Воистину – «Иов Многострадальный»...

Ужасный год начался с расстрела манифестации рабочих, шедшей к Зимнему дворцу. Семья была в Царском Селе. В их отсутствие перепуганный великий князь Владимир Александрович, командовавший петербургским гарнизоном, отдал приказ стрелять... 9 января Николай записал в дневнике: «Ужасный день... Много убитых и раненых. Боже, как больно... как тяжело».

Революционеры ответили террором. Первая кровь Романовской семьи в XX веке – в Москве разорван бомбой великий князь Сергей Александрович. Теперь Николая преследо-

вало видение: ползающая на коленях в крови, среди останков мужа, простоволосая Элла... А далее – страшные дни, хаос в стране, забастовка на железных дорогах, отрезавшая Петербург и Москву от губерний, митинги с призывами к вооруженному восстанию...

Для черногорских принцесс наступил звездный час. Роман Станы с Николаем Николаевичем был в разгаре, а «Грозный дядя» должен был получить полномочия диктатора – казалось, что это единственный шанс усмирить революцию. Экзальтированным черногоркам грезились корона, которую сам передаст спасителю слабый Ники...

Но подвел Николай Николаевич – не решился стать диктатором. Армия была далеко, на войне с Японией, и сил подавить восстание у него не было. Вместе с новым премьером, Сергеем Юльевичем Витте, великий князь уговаривает Ники согласиться на Конституцию.

Семья жила в Петергофе, отрезанная от столицы. При дворе уже поговаривали, что на рейде стоит корабль, на котором они готовятся бежать в Англию... Как нужен был царице заступник перед Богом!

«Сцена была готова для появления Чудотворца»

Так написал в своих воспоминаниях Сандро (великий князь Александр Михайлович), друг юности Николая и муж его сестры Ксении. Черногорские принцессы неумоимо искали русского чудотворца. И Милица привела во дворец епископа Феофана.

Из показаний Феофана: «В дом бывшего императора... я был приглашен впервые для беседы по церковным вопросам... Впоследствии меня стали приглашать как для духовных бесед, так и приобщать часто болевшую императрицу Александру Федоровну».

Но прямодушный аскет Феофан не смог заменить лукавого Филиппа. И во дворец Милицы все чаще зовут протоиерея Иоанна Кронштадтского – тогдашнюю всероссийскую знаменитость. Его глубоко почитал отец Николая – протоиерей стоял у постели Александра III в минуту его смерти. Жизнь Иоанна проходила среди народа – в храме и на улице. Ему была ниспослана высшая сила христианина – дар исцеляющей молитвы. К нему за помощью шли те, кто достиг последней черты страдания, когда уже не спасало могущество науки. Он исцелял людей самых разных вероисповеданий – православных, иудеев, магометан. Влиятельнейшая петербургская газета «Новое время» выпустила целый номер (20 декабря 1883 года) с благодарностями исцеленных.

Иоанн исцелил и будущую почитательницу Распутина, юную Анну Вырубову, и Зинаиду Юсупову – мать будущего убийцы Распутина...

Но Иоанн слишком суров, слишком обременен обязанностями перед своей паствой. И тогда Милица решила познакомить Аликс и Ники с человеком, который непременно должен был произвести на них впечатление, которого она давно готовила к этой встрече, – с «братом Григорием», странником из Сибири. Но умная черногорка уже почуяла опасность, и прежде, чем представить Распутина, потребовала с него честное слово, что без нее он не будет встречаться с «царями». Он по-прежнему должен был остаться при Милице, стать новым Филиппом, с которым «цари» будут встречаться только в ее дворце. «По словам Милицы Николаевны, Распутин обещал сам не знакомиться с царской семьей», – показал в «Том Деле» Феофан.

Милица была уверена в успехе мужика. Недаром «брат Григорий» понравился самому Иоанну Кронштадтскому. Недаром Феофан, которого так уважают в Царской Семье, благоговеет перед ним. И как все сходится: прорицатель, врачеватель, человек из народа – воистину посланец Святой Руси!

В середине октября 1905 года наступил самый страшный миг: Николай решился подписать Конституцию. Рушилось трехсотлетнее самодержавие его предков. И все эти дни рядом с ним – черногорки и Николай Николаевич...

Из дневника царя: «17 октября... Завтракали Николаша и Стана (романтическая пара! – Э.Р.)... Сидели и разговаривали, ожидая приезда Витте... Подписал Манифест в 5 часов. После такого дня голова сделалась тяжелой и мысли стали путаться... Господи, помоги нам... спаси и умири Россию...»

«20... обедали Николаша, Милица и Стана...»

21, 22, 23, 24, 25 октября – все эти дни, согласно дневнику Николая, в гостях черногорские принцессы. Видимо, в эти дни Милица и рассказывает Аликс о чудесном сибирском мужике, готовит впечатлительную царицу к встрече с народным пророком.

В рассказах Милицы возникала столь радостная для царицы мистическая переключка между Распутиным и Серафимом Саровским. Как и святой Серафим, «брат Григорий» (так все его зовут, стараясь не употреблять неблагозвучную фамилию) бросил дом и много странничал. Как и святой Серафим, он ходил по деревне, окруженный последовательницами. Как и на святого Серафима, был на него наговор, и святая тайна стала предметом расследования...

Как должно было забиться сердце Аликс! Все совпадало. Филипп их не оставил, он прислал им защитника, как и обещал, «пришел в другом облике» – именно тогда, когда все вокруг уже советуют подумать о корабле, который унесет их из хаоса в Англию.

Наконец-то закончился страшный октябрь. Как ждала Аликс, что минувший месяц унесет все их беды! И как знаменательно, что в первый день нового месяца они должны увидеть у Милицы удивительного мужика...

Из дневника Николая: «1 ноября... В 4 часа поехали в Сергеевку. Пили чай с Милицей и Станой. *Познакомились с человеком Божьим Григорием из Тобольской губернии...* Вечером укладывался, много занимался, провел вечер с Аликс... «22 ноября... Поехали... в Царское Село, куда прибыли в 5.20... Приятно было попасть в старые, уютные комнаты».

Часть вторая «Наш друг»

Глава 4 Рядом с «Царями»

Обольщение

В «Том Деле» епископ Феофан показал: «Мне лично пришлось слышать от Распутина, что он на бывшую Государыню *произвел впечатление* при первом свидании с нею. Государь же подпал под его влияние лишь после того, как Распутин его чем-то *озадачил*».

Распутину, этому знатоку человеческих душ, вряд ли трудно было понять, как нуждается в нем царица, как измучена она обрушившимися на них бедствиями и как действуют на нее его речи о простом народе, который не даст в обиду своего царя. Видимо, это и было главным в их первом разговоре. Об этом он говорил потом Илиодору, который (хоть и весьма примитивно) изложил речи Распутина в своей книге: «Когда революция подняла высоко голову, то они очень испугались... и давай складывать вещи... А я долго их уговаривал плюнуть на все страхи и царствовать».

На царицу это произвело сильное впечатление. С царем сложнее – Николай был «в себе»: слишком погружен в решение сложнейших проблем и, видимо, плохо слушал Распутина. Чтобы «озадачить» царя, нужно было встретиться с ним еще раз...

Но Милица, тотчас оценив впечатление Аликс, еще раз предупредила мужика, что он не должен стремиться сам встречаться с «царями» – иначе «он попросту погибнет».

«Предупреждение ее, что Распутин погибнет, я объясняю тем, что при дворе много соблазнов, зависть, интриги, и что Распутин, будучи простым непритязательным странником-богомольцем, в такой обстановке духовно погибнет», – показал Феофан.

Но у Распутина были совсем другие планы. И пребывание на квартире Феофана, связанного с Милицей, его более не устраивало. Ему теперь нужна была свобода действий.

Очаровательная генеральша

Впрочем, у него уже была возможность выбрать себе пристанище. Его успех в Петербурге был стремительным, со времени своего появления в городе он многое успел. Его почитательница Е. Казакова показала в Чрезвычайной комиссии, что «видела много важных барынь... которые за ним ухаживали, считали его великим праведником, стригли у него ногти и... зашивали их себе на память».

Одной из таких «важных барынь» была петербургская «светская львица», хозяйка модного салона Ольга Лохтина. Ей тогда было уже за сорок, но была она еще очень хороша. В то время она заболела, и лечить ее пригласили Распутина. Так они встретились – всего через два дня после его свидания с Царской Семейей.

В «Том Деле» Лохтина показала: «Распутина я увидела первый раз 3 ноября 1905 г. К тому времени я разочаровалась в светской жизни, у меня произошел духовный переворот, к тому же я сильно болела неврастением кишок, приковавшей меня к постели. Я могла передвигаться только придерживаясь рукой за стену... Священник отец Медведь (один из верных тогда

почитателей «старца». – Э.Р.) пожалел меня и свел с Распутиным... С момента появления в доме отца Григория я сразу почувствовала себя здоровой и с тех пор освободилась от своего недуга...»

На квартиру к исцеленной и решил перебраться «отец Григорий». Так теперь называет его Лохтина, и так будут называть его почитательницы...

Из показаний Феофана: «Жил у меня недолго, так как я по целым дням пропадал в Академии. И ему стало у меня скучно, и он куда-то переехал, а затем поселился в Петрограде у чиновника Владимира Лохтина».

«Это был прекрасный семейный дом. Сама Лохтина была красивая, светская женщина и имела прямо очаровательную дочку», – показал в «Том Деле» полковник Ломан, друг Лохтиных.

Распутин точно выбрал дом – удобный плацдарм, чтобы попасть в Царскую Семью. Муж Ольги Лохтиной – инженер и действительный статский советник (что по табели о рангах соответствует чину генерала, поэтому Лохтину часто называли – и мы будем называть – генеральшей), заведовал дорогами в Царском Селе. Там проводит большую часть времени затворившаяся в «уютных комнатах» Александровского дворца Царская Семья. Болезнь наследника, сделанная государственной тайной, заставляет их жить полузатворниками, оберегая этот секрет.

Проживая в семье Лохтиных, Распутин был теперь в курсе всех слухов из дворца.

Пройдет несколько лет, и фотографии Лохтиной будут печатать крупнейшие российские газеты. Журналисты будут гадать, что произошло с этой очаровательной женщиной, как петербургская красавица превратилась в странную юродивую, разгуливающую в фантастическом одеянии по улицам столицы...

Мужик потряс ее сразу. «Он очень интересно рассказывал о своей страннической жизни, а в разговоре подсказывал грехи слушателей и заставлял говорить их совесть», – показала Лохтина.

Он открыл ей мир Любви и Свободы, где не было быта и денег – только жизнь духа. Всего через несколько дней после знакомства с «отцом Григорием» петербургская барыня отправляется с ним в Покровское. Муж с радостью отпускает ее, чтобы она могла окончательно излечиться у удивительного целителя. Ему и в голову не приходит подозревать влечение красавицы жены к корявому мужику.

«По его приглашению я отправилась к нему в гости в Покровское, где я пробыла с 15 ноября по 8 декабря 1905 года... Ехать с Распутиным большое удовольствие, ибо он давал жизнь духу... Дорогою он предсказал забастовку и все говорил: «Только бы доехать». Как только доехали, она началась». Впрочем, забастовку тогда предсказать было нетрудно – ими была охвачена вся страна. Но генеральша так жаждала чудес!..

И в Покровском «жизнь духа» продолжалась. Лохтина увидела смиренную крестьянскую семью: «Уклад его жизни мне очень понравился. Жена, встретив мужа... упала ему в ноги... Смирение его жены меня удивляло. Когда я бываю права, я никому не сделаю уступки. И вот как-то жена Распутина в споре с мужем уступила ему, хотя было ясно – права она, а не он. На высказанное мной... удивление, Распутина сказала: «Мужу и жене надо жить одним сердцем – где ты уступи, где тебе уступят»... Спали мы где придется, очень часто в одной комнате, но спали очень мало, слушая духовные беседы отца Григория, который как бы приучал нас к ночному бодрствованию. Утром, если я вставала рано, то молилась с отцом Григорием...

Молитва с ним отрывала от земли... Дома проводили время в пении церковных псалмов и песнопений...»

Но у следователей были большие сомнения в невинности ее жизни в Покровском. И она им отвечала: «Да, он имел обыкновение целоваться при встречах и даже обнимать, но это только у людей дурных появляются дурные и грязные мысли... Совершенно справедливо также, что при одном из посещений села Покровского я мылась в бане с Распутиным и его семьей – женою и двумя дочерьми. При отсутствии дурных мыслей это никому из нас не казалось ни неприличным, ни странным... Что Распутин был действительно старец, убеждает меня и мое исцеление, и те предсказания, которые мне пришлось услышать и которые оправдались».

Так она отметала все подозрения о сексуальных отношениях между ней и Распутиным. Но каковы в действительности были отношения мужика с Лохтиной – его воистину яркой поклонницей? Знать это очень важно, чтобы понять и его учение, и всю дальнейшую его историю. Тем более что в исследованиях новых почитателей «отца Григория» утверждается: все истории о сексуальных связях Распутина со своими поклонницами выдуманы его врагами.

Но мы дадим слово другу – и одному из самых ближайших. В «Том Деле» есть показания издателя Филиппова: «Будучи у него в 1911 году на Николаевской улице, я неожиданно оказался свидетелем очень тягостной сцены. Придя к Распутину по обыкновению рано утром чай пить... я увидел его за ширмой, которая отделяла его кровать от остальной комнаты. Он отчаянно бил одетую в фантастический костюм – в белое платье, увешанное ленточками, – госпожу Лохтину, которая, хватая его за член, кричала ему: «Ты Бог!»... Я бросился к нему... «Что ты делаешь! Ты бьешь женщину!» Распутин мне ответил: «Она пристает, стерва, – грешить требует». А Лохтина, скрывшись за ширмами, кричала: «Я овца твоя, а ты – Христос!»... Только впоследствии я узнал, что это – госпожа Лохтина, поклонница Распутина, имевшая с ним роман... Она подавала мне такие остроумные, свидетельствовавшие о ее большом уме и светскости реплики, что я был очень удивлен увиденным».

О ее уме и злом остроумии будут с изумлением говорить и другие свидетели. Как же сумел мужик навсегда приковать к себе эту блестящую женщину? Как родилась эта яростная страсть, которая навсегда останется у несчастной генеральши, даже когда мужик уже не будет испытывать к ней ничего, кроме отвращения? Ответ на эти вопросы – в главной тайне этого человека, речь о которой впереди...

В декабре 1905 года Распутин и Лохтина вернулись в столицу. И она была рядом, когда он продумывал свой план, чтобы вновь увидеть Царскую Семью... Феофан был прав – новую встречу с Семьей подготовил сам Распутин.

В «Том Деле» остались показания важного свидетеля. В 1917 году перед следователями Чрезвычайной комиссии предстал полковник Дмитрий Ломан. При дворе он сделал блестящую карьеру: ему было поручено сооружение придворного Федоровского собора – любимого храма Царской Семьи, и назначение это он получил (как покажут свидетели) не без помощи Распутина.

Когда Ломан впервые увидел Распутина, он был всего лишь офицером лейб-гвардейского полка. «Распутина я знаю с самого его появления в Петрограде... В первый раз Распутин попал во дворец таким образом: как-то Государь (передаю это как слух) получил от сибирского крестьянина... это и был Распутин... письмо с просьбой принять его и разрешить преподнести икону по какой-то причине особо чтимую. Государь заинтересовался письмом...»

Прыжок во дворец

Показания Ломана подтверждает и... сам Распутин. Сохранилась телеграмма, посланная мужиком царю в 1906 году: «Царь-батюшка, приехав в сей город из Сибири, я желал бы поднести тебе икону Святого Праведника Симеона Верхотурского Чудотворца... с верой, что Свя-

той Угодник будет хранить тебя во все дни живота твоего и споспешествует тебе в служении твоём на пользу и радость твоих верноподданных сынов». Эту телеграмму, так отличавшуюся от бессвязных посланий, которыми Распутин будет засыпать «царей», видимо, помогла написать мужику преданная генеральша.

И царь... принял мужика после его телеграммы! Почти точную дату этой встречи (на этот раз воистину исторической) позволит установить взволнованное письмо обычно сдержанного Николая к премьеру Столыпину:

«16 октября 1906 года... Несколько дней назад я принял крестьянина из Тобольской губернии... который принес мне икону Святого Симеона Верхотурского... *Он произвел на Ее Величество и на меня замечательно сильное впечатление... и вместо пяти минут разговор с ним длился более часа.* Он в скором времени уезжает на родину. У него есть сильное желание повидать Вас и благословить Вашу больную дочь иконой. (В то время террористы взорвали дачу премьера, Столыпин чудом остался жив и вынес из развалин раненую дочь. – Э.Р.) Я очень надеюсь, что Вы найдете минутку принять его на этой неделе».

Так ему удалось «зацепить» и царя!

Можно представить, о чем он говорил с «царями». Конечно же был его любимый рассказ о встрече с Богом, о странствиях во имя Божье – обо всем, что было недоступно этим религиозным людям и о чем они так мечтали. И здесь ему не было равных, здесь он был поэт. Те же мысли он позже изложит в «Житии опытного странника» и среди них – любимую: «Велик, велик есть крестьянин перед Богом!» Мужик – он помогущественнее всех жалких городских интеллигентов, свершивших смуту, а главное – он любит своих царей и не даст их в обиду. Как не даст их в обиду Господь... Народ и царь – между ними никого! Царь и царица услышали то, что так хотели тогда услышать...

И наконец мужик попросил о том, от чего должны были затрепетать их сердца – увидеть мальчика. Он заговорил о его болезни, будто давным-давно о ней знал, просил позволения молитвой облегчить его страдания (потому и принес икону Симеона Верхотурского, обладающую исцеляющей силой).

Судя по всему, его отвели к ребенку: недаром тотчас после этой встречи Николай и написал Столыпину, чтобы тот допустил мужика «благословить Вашу больную дочь иконой». Ибо на глазах «царей», видимо, произошло чудо – то, о чем потом будут рассказывать Вырубова и великая княгиня Ольга, то, что будет происходить потом много раз!

В полумраке комнаты, освещенной лампадами, не мог заснуть, мучился в приступе болезни их «Маленький», их «Солнечный луч». Диковинный мужик спокойно подошел к кровати, крючковатая огромная тень склонилась в молитве... И мальчик на глазах успокоился, тихо уснул, чтобы на следующее утро (чудо! чудо!) проснуться здоровым.

Знал ли мужик таинственные секреты врачевания, с языческих времен охранявшиеся в Сибири? Или воистину ощущал тогда в себе иную, необъяснимую силу, способную исцелять? Нам можно размышлять об этом и сомневаться. У Аликс же сомнений быть не могло. Он пришел – народный посланец, «Божий человек», о котором говорил его предтеча, «Наш Друг». Пришел, чтобы защитить своего царя и спасти наследника священного престола.

Вслед за царем мужика принял премьер-министр. Распутин и к нему пришел с той же чудотворной иконой святого Симеона Верхотурского.

Из показаний Вырубовой: «Покойный Столыпин... после взрыва на даче вызвал к своей пострадавшей дочери Распутина, и тот будто бы молился над нею, и она поправилась».

С тех пор царь и царица стали почитать сибирского святого, о котором рассказал им мужик. На личные средства царя была воздвигнута великолепная сень над ракою Симеона.

Крестный ход в дни прославления святого Симеона возглавлял Иоанн Сторожев – священник из Екатеринбурга. В 1918 году тот же отец Иоанн совершит последнюю обедницу и даст последнее благословение Царской Семье – за два дня до их гибели.

В Ипатьевском доме после их расстрела найдут «образ святого Симеона Верхотурского, малого размера, в металлической рамке» – возможно, тот самый, который принес им когда-то мужик.

Теперь они сами зовут Распутина – он стал им необходим. Но «цари» – невольники в своем дворце. После истории с Филиппом они осторожны, и чтобы не возбуждать слухов, мужика зовут вместе с Феофаном – человеком официальным, к тому времени уже ставшим ректором Духовной академии.

Из показаний Ломана: «Кроме официальной аудиенции Распутин был раза 2–3... с Феофаном, но в очень скромной роли – келейника и последователя Феофана...»

Но Распутин просит Феофана не сообщать Милице об этих посещениях. «Сам Распутин сообщил мне, что он скрывает от Милицы Николаевны знакомство свое с царской семьей», – показал Феофан в «Том Деле». И ничего не подозревающая Милица продолжала славить мужика. «9 декабря... Обедали Милица и Стана. Весь вечер они рассказывали нам о Григории», – записал царь в дневнике.

Скандалы в благородном семействе

Однако долго скрывать от Милицы новое знакомство было невозможно. Праведный Феофан не мог лгать – как только слухи из Царского Села дошли до Милицы, он после первого же ее вопроса рассказал правду.

Великая княгиня разгневалась на мужика. Она не понимала, с кем ссорится...

Из показаний Феофана: «Распутин сообщил мне, что Милица Николаевна прямо ему объявила: «Вы, Григорий, надуватель»... Лично мне Милица Николаевна высказывала недовольство тем, что Распутин проник в царскую семью, и упоминала о своих предупреждениях, что если он это сделает, это будет его погибелью».

Было ли это бессильным раздражением властной Милицы, не сумевшей создать «второго Филиппа», или прозорливостью мистической женщины? Впрочем, в то время ей было уже не до Распутина – в конце 1906 года черногорские принцессы оказались в центре придворного скандала.

Из дневника К.Р.: «6 ноября... Узнал с ужасом от жены, что Стана разводится... и выходит замуж за Николашу!!! Разрешение этого брака не может не представляться поблажкой, вызванной близостью Николаши к Государю... оно нарушает церковное правило, запрещающее двум братьям жениться на двух сестрах...»

Но жених нашел другое, весьма неожиданное объяснение.

«10 ноября... Николаша объявил, что палец о палец не ударил для своей женитьбы... что тут не обошлось без загробного влияния Филиппа».

Это был очередной скандал в большой Романовской семье.

Не так давно дядя царя, великий князь Павел Александрович, отбил жену у адъютанта другого великого князя, Владимира, и женился на ней. За что и был выслан из России по повелению царя, ибо согласно законам Российской империи «все члены Императорского Дома лишены права вступать в брак с лицами, не принадлежащими к царствующему или владетельному Дому»... И еще один скандал грозил семье: родной брат царя Михаил надумал жениться на жене лейб-гвардейца из своего знаменитого полка «синих кирасир» – дважды разведенной красавице Наталье Вульферт. Вдовствующая императрица с трудом умолила сына отказаться от безумной идеи... И новый скандал, уже с великим князем Кириллом, сыном другого цар-

ского дяди, Владимира Александровича. К этому лихому командиру Гвардейского экипажа ушла жена родного брата Аликс – Эрни, герцога Гессенского. Ники пришлось наказывать и Кирилла. Что делать: отец Николая беспощадно карал родных за подобные шалости, теперь карать должен был он – глава Романовской семьи.

И вот новый скандал – с «Грозным дядей»... Но каково же было влияние черногорок на Аликс, если царица, преисполненная отвращения к разводам, послушно все стерпела и заставила стерпеть царя, несмотря на грозные призывы вдовствующей императрицы покарать Николая Николаевича и навести порядок в семье!

Запись в дневнике генеральши Богданович от 25 октября 1906 года: «Говорят она (Стана. – Э.Р.) воплотила в себе медиума Филиппа, что он в нее вселился, и она предсказывает, что все теперь будет в стране спокойно... царь и царица верят каждому ее слову... и в ожидании спокойствия веселы и беспечны».

Но черногорская принцесса была тут ни при чем. Генеральша и дворцовые сплетники на сей раз ошиблись. Они тогда еще не знали о мужике, который уже поселился в сердцах «царей». Это он внес в их души спокойствие и уверенность.

Загадка новой фамилии

Пока Николаевичи с черногорками улаживали свои личные дела, мужик стремительно шел в гору. Уже через два месяца после их второй встречи Государь всея Руси лично занимается переменой фамилии никому не известного крестьянина. По этому поводу он вызывает главу своей канцелярии графа Бенкендорфа – Аликс беспокоит неблагозвучная фамилия, столь неподходящая к облику «Божьего человека».

Распутину предложили написать прошение, и Бенкендорф сообщил министру внутренних дел: «Передавая мне это письменное прошение Распутина, Его Величество изволил выразить особенное желание эту просьбу уважить».

22 декабря 1906 года последовало удовлетворение ходатайства крестьянина Распутина о разрешении впредь именоваться «Распутиным-Новых».

Илиодор пересказывает со слов Распутина версию, которую, видимо, решено было сделать официальной: «Как только я оказался в дверях, то наследник захлопал ручонками и залепетал: «Новый, новый, новый!»... Это были первые его слова. Тогда царь дал приказ именовать меня по фамилии не Распутин, а Новых».

На самом деле в фамилии «Новых», возможно, был совсем иной подтекст (речь о нем впереди). Но так или иначе, Распутин получил право на новую фамилию.

Однако жизнь не позволила. Жизнь вскоре вернет ему фамилию Распутин.

С появлением Нового началась во дворце и новая – тайная – жизнь...

Только через год Ники и Аликс решатся раскрыть тайну этой новой жизни великой княгине Ольге. «Осенью 1907 года Ники спросил меня, хочу ли я видеть настоящего русского крестьянина, – рассказывала она журналистке в далекой Канаде. – Распутин... повел его (Алексея. – Э.Р.) в комнату, и мы втроем последовали за ним... мы чувствовали себя как в церкви. В комнате Алексея не было электричества, и свет шел только от лампад перед иконами... Ребенок стоял рядом с гигантской тенью, низко опустившей голову... Распутин молился, и ребенок присоединился к его молитве».

Именно тогда она узнала, что Распутин обещал «царям», будто их мальчик излечится от болезни. О том же говорила и Вырубова в своих показаниях: «Распутин предсказал, что мальчик со временем совсем выздоровеет... вырастет из болезни».

Вера в выздоровление сына и дала им спокойствие. И еще – они увидели, как слабеет, гибнет грозная революция. Еще недавно в Петергофе на Николая, как на дичь, охотились революционеры, и Государь всея Руси писал матери: «Ты понимаешь мои чувства... не иметь возможности выезжать за ворота... И это у себя дома!.. Я краснею писать тебе об этом». Еще вчера хаос правил страной. И вот теперь, как и предсказал мужик, революцию удалось смирить. Начиналась новая жизнь. Все, как предрек им новый человек...

Филипп был прежним «Нашим Другом». Распутин станет новым «Нашим Другом».

В этом, видимо, и заключался для них тайный смысл фамилии.

Еще одна историческая встреча

Всю первую половину 1907 года Распутин продолжает посещать черногорских принцесс. Взрыв ярости Милицы как будто прошел (тем более что «цари» иногда встречаются с Распутиным в ее доме), она как будто простила мужика и не замечает, что теперь «отец Григорий» – тайный и частый гость в царском дворце. И по-прежнему славит провидца перед своими знакомыми, ибо уже поняла: это постоянное славословие нравится царице.

Именно тогда во дворце Милицы и состоялась еще одна встреча, имевшая большое значение для судеб империи.

В то время около царицы появилась молоденькая фрейлина Аня Танеева. Вскоре двор заговорил о пылкой дружбе Аликс и Ани. Милица тотчас начинает приглашать к себе новую фаворитку. Аня казалась наивной девочкой, до смешного копировавшей Государыню, – вела с Милицей бесконечные разговоры на любимые царицей мистические темы. И, естественно, захотела увидеть Распутина. Аня готовилась выйти замуж за флотского офицера Вырубова, и ей необходим был совет «отца Григория».

Из показаний Вырубовой: «С Распутиным я познакомилась в 1907 году за несколько дней до свадьбы у Милицы Николаевны... Причем я слышала, что у нее с ним встречаются Государь и Государыня. Этому знакомству предшествовало чтение мистических книг на русском и французском, которыми меня ссужала Милица Николаевна и в которых доказывалось существование таких людей, которые, благодаря своей жизни, сделались провидцами... В первых числах марта 1907 года Милица Николаевна пригласила меня, предупредив, что у нее будет Распутин. Она приняла меня в гостиной одна, стала рассказывать о том, что бывают люди, одаренные даром свыше и обладающие даром провидения. На эту тему Милица Николаевна говорила со мной около часу и просила меня не удивляться, если она будет христосоваться с Распутиным... Я очень волновалась, тем более, что она сказала: «Попросите у него о чем хотите, он помолится. Он может все у Бога»... Распутин поцеловался с Милицей, а затем она представила его мне... Меня поразили его пронизательные глаза, глубоко сидящие в глазных впадинах... Я, озабоченная браком, так как очень мало знала своего жениха, спросила, следует ли мне выходить замуж. Распутин ответил, что советует выйти замуж, но что брак будет несчастлив...»

Однако вскоре Распутин перестает посещать Милицу. И черногорская принцесса узнает, что мужик посмел высказать слова неодобрения о браке ее сестры с Николаем Николаевичем. И царица навещает ее теперь все реже и реже...

Такого Милица не прощала.

Похороненное следствие

Осенью 1907 года Распутин уехал в Покровское. С ним отправилась Лохтина, а также его молодые поклонницы – незамужняя медицинская сестра Акилина Лаптинская, вдова инженера Хиония Берладская и жена коллежского секретаря Зинаида Манчтет (или Манштедт, как она именуется в других источниках).

К тому времени Распутин купил в Покровском новый просторный дом. На родине мужик менялся – простодушный, неграмотный крестьянин оживал в нем, он становился словоохотлив, хвастался перед соседями, демонстрировал поклонявшихся ему петербургских «дамочек». Охотно рассказывал он и о «царях» и великих князьях, которые спрашивают советов у него – вчера еще битого и осмеянного односельчанами Гришки...

Но в этот приезд его поджидал печальный сюрприз. Распутин узнал, что в селе появился инспектор из Тобольской Духовной консистории, который уже вызывал на допросы его постоянных собеседников – священников – и расспрашивал их о нем. И вскоре в новом доме был обыск, нашли и забрали письма «дамочек». Потом их самих вызвали к инспектору. И наконец на допрос повели самого Распутина.

Так началось «дело» по уже знакомому ему обвинению в хлыстовстве. Четыре года назад он сумел отбиться от следователей консистории. И вот – его снова обвинили.

Впоследствии председатель Государственной Думы Родзянко, бравший это «дело» из Синода, сообщил, что уже вскоре оно исчезло. Но «рукописи не горят»... Нынче, будто из небытия, в Тобольском архиве выплыла папка с надписью: «Дело Тобольской консистории по обвинению крестьянина слободы Покровской Тюменского уезда Григория Ефимовича Распутина-Новаго... в распространении им лжеучения, подобно хлыстовскому, и образования общества последователей своего лжеучения. Начато 6 сентября 1907 г.».

В «деле» было отмечено: пока Распутин пребывал в Петербурге, Тобольскому епископу сообщили сведения, касавшиеся таинственного периода его странствий. По этим «собранным и проверенным... сведениям... названный крестьянин из своей жизни на заводах Пермской губернии вынес знакомство с учением ереси хлыстовской и ее главарями». Затем, «проживая в Петербурге, приобрел себе последовательниц, которые, по возвращении Распутина в слободу Покровскую, неоднократно приезжали к нему и подолгу жили в его доме». Также отмечалось, что «письма его последовательниц Х. Берладской... О. Лохтиной и З. Манчтет говорят... об особом учении Распутина», что эти последовательницы «водят Распутина под руки и... на глазах у всех он их часто обнимает, целует и ласкает... В верхнем этаже новоприобретенного Распутиным большого дома поздними вечерами бывают особенные молитвенные собрания... на этих собраниях он надевает полумонашеский черный подрясник и золотой наперсный крест... собрания эти иногда заканчиваются поздно и, по слухам, в бане при прежнем доме Распутина совершался «свальный грех»... Между жителями слободы Покровской ходят слухи, что Распутин учит хлыстовству...»

Кто стоял за этим «делом», понять нетрудно. У Милицы, благодаря ее могуществу при дворе, были прочные связи в Синоде. И она, хорошо знавшая мистические учения, давно поняла тайну удивительного мужика. И это ее раздраженный голос слышен в обвинительном заключении, где говорится о «самоуверенности и сатанинской гордости» Распутина, о том, что он посмел принять на себя образ «необыкновенного наставника, молитвенника, советника и утешителя», что он, «человек малообразованный», решился «рассказывать о своих посещениях дворцов великих князей и *других высокопоставленных особ...*»

На следствии Распутин конечно же отрицал свое хлыстовство. Отрицал и *хождение в баню с женщинами*, то есть то, что впоследствии будет признавать в Петербурге, о чем будет рассказывать знакомым. И «дамочки» за него стояли горой – и Берладская, и Лаптинская, и Лохтина, и находившиеся у Распутина в услужении Евдокия и Екатерина Печеркины ничего, кроме восторженных отзывов о высокой нравственности «отца Григория», следствию не дали. На вопрос инспектора о поцелуях Распутина Лаптинская важно объяснила тобольским провинциалам: «Это обыкновенное явление в интеллигентном кругу...»

Но все это было лишь началом. Приехавший в Покровское инспектор Тобольской Духовной семинарии Д. Березкин в отзыве о ведении «дела» отметил, что следствие произведено «лицами, малосведущими в хлыстовстве», что обыскан был лишь жилой двухэтажный дом Распутина, хотя известно, что место, где происходят радения, «никогда не помещается в жилых помещениях... а всегда устраивается на задворках – в банях, в сараях, в подклетьях... и даже в подземельях (он имел в виду ту самую таинственную «моленную под полом конюшни» в старом распутинском доме. – Э.Р.)... Не описаны картины и иконы, найденные в доме, между тем в них обычно кроется разгадка ереси...» и так далее. После чего Тобольский епископ Антоний постановил произвести следствие по «делу», поручив его опытному противосектантскому миссионеру.

Распутин был перепуган, вмиг превратился в бесправного, забитого крестьянина. Но Лохтина оценила ситуацию. Она поняла, что столь мощное давление могло быть организовано только кем-то очень могущественным – из столицы. И только из столицы его можно теперь остановить...

Лохтина спешно выезжает в Петербург. И вскоре... следствие было прекращено, несмотря на недавнее распоряжение Антония. Чье-то очень высокое вмешательство навсегда похоронило в недрах Синода епископское расследование.

Так Милица сделала роковую ошибку. Она решила использовать ситуацию, чтобы поставить на место мужика, она была уверена, что расследование по «делу о хлыстовстве» скомпрометирует Распутина, закроет ему дорогу во дворец. Но она ошиблась, ибо не могла представить себе степень его влияния на Семью.

Переворот во дворце

Конечно же Аликс легко вычислила, кто стоял за кулисами следствия, кто пытался отнять у нее «Божьего человека». И уже вскоре, судя по показаниям Феофана, «испортились добрые отношения между Милицей и Анастасией Николаевной, Петром и Николаем Николаевичем и царской семьей... Об этом мне проговорился сам Распутин. Из его нескольких фраз я заключил, что Распутин внушил мысль бывшему императору, будто они слишком влияют на государственные дела и задевают самостоятельность императора».

Прихвастнул мужик – хотел показать свою силу... На самом деле эта мысль всецело завладела царицей, как только та разлюбила прежнюю подругу. Аликс и в нелюбви – цельная натура. Разлюбить – так пылко, яростно... И Распутин тотчас понял новое настроение «мамы» («мама» и «папа» – так он теперь звал этих мистических родителей, отца и мать Русской земли). Понял он и свою задачу – постоянно внушать эту мысль «мамы» – «папе», ибо Ники очень трудно менял привязанности и, как справедливо отмечала Вырубова, «продолжал верить великому князю Николаю Николаевичу».

Теперь в Царской Семье вчерашние подруги стали именоваться так же, как прежде называли их недоброжелатели при дворе – «черные женщины». И уши царицы тотчас открылись всему, чего она не хотела слышать раньше.

«По временам у меня шевелилась мысль о том, что Милица Николаевна познакомила Государыню с Распутиным для того, чтобы сделать его затем орудием для достижения своих целей», – показала Вырубова в «Том Деле». Теперь Аня «простодушно» рассказывала Аликс то, о чем думала сама царица. И они вместе негодовали на «черных женщин», посмеявшихся организовать позорное расследование против «Божьего человека». Новая подруга охотно объяснила, откуда родятся гадкие слухи про Аликс:

«Все, что говорилось плохого про Государыню, исходило теперь от Милицы и Анастасии Николаевны... они говорили о том, что Государыня... психически ненормальна, что она слишком часто видится с Распутиным».

Все поведала царице добрая Аня... И «черных женщин» навсегда отделили от трона – более Аликс никогда не появится в их доме.

А вскоре генеральша Богданович запишет в дневнике: «Радциг (камердинер Николая II. – Э.Р.) говорил, что между царем и великим князем Николаем Николаевичем полное охлаждение, как между царицей и женой его Анастасией Николаевной».

С черногорками Аликс рассталась без сожалений – ведь теперь она не была одинока. Она нашла ее – свою Подругу. Свою истинную Подругу.

Опасная подруга

В марте 1917 года в Чрезвычайную комиссию из сырой тюремной камеры привозили бывшую фрейлину царицы. Следствие пыталось выяснить у нее дворцовые тайны, загадку влияния Распутина. Между тем самой большой загадкой была она сама – Анна Вырубова. Подруга Аликс.

«Недалекая... С трудом сдавшая экзамен на домашнюю учительницу... Ничем не интересующаяся... Трудно понять, какие отношения могли быть у нее с высокообразованной, энергичной царицей...» Такovy многочисленные показания свидетелей о Вырубовой. С этой характеристикой она и войдет в историю.

Между тем достаточно прочитать протоколы ее допросов, чтобы почувствовать, сколь блистательно изворотлива и опасно умна эта женщина. С самого начала следствия она удивительно верно избрала свою роль – ту самую роль наивной, простодушной, недалекой Ани, которую с таким успехом играла в Царской Семье.

Секретарь комиссии, поэт Блок, присутствовавший на допросах, напишет о ней: «Человек в горе и унижении становится ребенком... Вспомни Вырубову. Она врет по-детски».

Что ж, в ее ситуации это была единственно возможная тактика – наивно, открыто лгать, демонстрируя свою детскую беспомощность, глупость и полное непонимание происшедшего во дворце. Почти изумленно узнает она от следователя, что, оказывается, ее считали «фанатичной поклонницей Распутина»!

– Так вы утверждаете, что интерес к Распутину у вас был, как ко многим другим в вашей жизни? – возмущается ее ложью следователь Гирчич. – Или все-таки он представлял для вас исключительный интерес?

– Исключительный? Нет! – говорит она очень искренне и, срывая последующие вопросы, вдруг начинает по-бабьи жаловаться: – Жить при дворе, вы думаете, легко? Мне завидовали... Вообще, правдивому человеку трудно жить там, где масса зависти, клеветы. Я *была проста*, так что за эти двенадцать лет, кроме горя, я почти ничего не видела...

Но следует новый важнейший вопрос:

– Почему вы сожгли целый ряд документов?

– Я почти ничего не жгла, – открыто, как бы беспомощно лжет она, заполнившая пеплом от сожженных бумаг огромный камин во дворце.

Ее обвиняют в том, что она вместе с Распутиным назначала министров, принимала участие в политических играх. И опять она изумляется – они с Распутиным разговаривали только о религии... Ей предъявляют доказательства – ее переписку с Распутиным.

– Почему же люди, не имеющие никакого отношения к политике, интересующиеся только молитвой и постом, находятся друг с другом в переписке политического содержания? – торжествует следователь.

Она только вздыхает и говорит все так же наивно:

– Ко мне все лезли со всякими вопросами...

– Ну лезли, скажем, день, месяц, год; но тут – лезли много лет подряд!

– Ужас что такое! – вздыхает она. – Мне вечно не было покоя от людей!

И после всей этой лжи другой следователь, В. Руднев, допрашивавший Вырубову параллельно с Гирчичем, напишет удивительное: «Ее показания... дышали правдой и искренностью.

Единственным недостатком показаний были ее чрезвычайное многословие и поразительная способность перескакивать с одной мысли на другую». А ведь Вырубова лгала в лицо и ему.

Почему же он так написал?

Вырубова воистину знала людей и сразу поняла разницу между двумя следователями. И выбрала с ними разную тактику. От дотошного Гирчича можно было оборониться только наивностью, глупостью. Руднева, sentimentalного провинциала, который так соскучился по человеческому благородству, можно и нужно было сделать своим союзником. И она демонстрирует простодушную преданность падшей Царской Семье, давая понять, что лжет только ради них. Она дает следователю возможность оценить и свое христианское терпение в тюрьме – об этом ее терпении спешит рассказать Рудневу мать Вырубовой...

Впоследствии Руднев вспоминал: «Ее чисто христианское всепрощение в отношении тех, от кого ей пришлось пережить в стенах Петропавловской крепости... это издевательство стражи, выразившееся в плеваньи в лицо, снятии с нее одежды и белья, сопровождавшемся битьем по лицу и другим частям тела... Нужно отметить, что обо всех издевательствах я узнал не от нее, а от ее матери... Вырубова подтвердила все с удивительной незлобивостью, объяснив: «Они не виноваты – не ведают, что творят».

При этом она просила следователя не наказывать виновных, чтобы не усугубить ее положения. И даже не выяснив, были ли вообще все эти издевательства, Руднев поверил Вырубовой.

Но свой главный удар она приберегла напоследок. Провинциальный следователь был в курсе того, о чем говорила вся Россия: Вырубова – «наложница царя и Распутина». И как бы заботясь о том, чтобы этот добрый человек узнал о ней всю правду, она настояла на медицинском освидетельствовании. Руднев был потрясен – Вырубова... оказалась девственницей! Теперь он верил ей до конца, он был готов закрыть глаза на «ложь во спасение», которую Вырубова говорила ему в лицо. И он подвел итог:

«Никаким влиянием при дворе она не пользовалась и пользоваться не могла – слишком был велик перевес умственных и волевых качеств императрицы по сравнению с ограниченной, бесхарактерной, но беззаветно преданной и горячо любившей ее Вырубовой».

Так Руднев писал о самой влиятельной женщине России! Бедный провинциал не мог даже подозревать, какие утонченные психологические игры вела его подследственная. Так он влился в многочисленный хор свидетелей, единодушно твердивших во время допросов о «простодушной и недалекой» Вырубовой. Правда, большинство этих свидетелей погибнет после Октября, а «простодушная и недалекая» уцелеет. Подруга царицы сумеет использовать и пролетарского писателя Горького, и вождя революции Троцкого, чтобы вырваться из камеры. А выйдя на свободу, скрываясь в Петрограде, она сумеет наладить переписку с царицей и даже... попытается ее освободить! И сумеет организовать собственное бегство из большевистской России!

Женщина, назначавшая и свергавшая министров, управлявшая порой и стальной волей царицы, умела выглядеть простой русской дурехой. Эта удобная маска давно стала ее лицом.

Игры Ани

Когда Аня познакомилась с Распутиным, она уже была рядом с троном. Ее отец, маленький толстенький старичок, умевший говорить всем только приятные вещи, Александр Сергеевич Танеев, исполнял должность Главноуправляющего собственной Его Императорского Величества канцелярией. Эта должность была как бы фамильной – ее занимали при трех императорах дед и прадед Танеева. По материнской линии Аня получила в наследство и царские гены – среди ее предков был незаконный отпрыск императора Павла I.

В 1904 году она была представлена Государыне, получила шифр и звание фрейлины. Аликс тотчас поняла – она встретила Подругу. В следующем году Аня уже сопровождает царицу на яхте «Полярная звезда».

«Во время поездки императрица жаловалась, что у нее нет друзей вне семьи... что она чувствует себя чужой...» – говорила Вырубова на допросе. Она сразу поняла свою царственную подругу – в своих воспоминаниях наблюдательная Аня точно опишет цельную, властную натуру одинокой Аликс.

Впрочем, наблюдательной она покажет себя только в своей книге... А во дворце у нее была другая роль, единственно возможная при характере Аликс: добрая, простодушная, преданная девочка, глядящая в рот императрице, восторженно поклонявшаяся ее уму, ее религиозности. Так Аня появилась в Царской Семье. И случилось это накануне прихода во дворец Распутина.

И уже вскоре царь запишет об Ане в дневнике: «1906 год. 9 января... завтракали Сергей, А. А. Танеева». «4 февраля. Завтракала А. А. Танеева»... Молоденькая фрейлина стремительно становится действующим лицом царского дневника и всей жизни Семьи. И отодвигает от сердца царицы черногорских принцесс... При этом мудрая Аня ходит во дворец Милицы – прилежно учится мистике, которой так интересуется царица.

В 1907 году Аня выходит замуж, точнее – вынуждена выйти замуж. Слишком опасны слухи вокруг тесной дружбы Ани и царицы – двор ревниво отнесся к новой фаворитке.

Банкир Филиппов, находившийся в центре петербургской жизни, показал в «Том Деле»: «Дружба Вырубовой с Государыней... некоторыми из придворных сфер... объяснялась *близостью на почве сексуальной психопатологии*». О «неестественной дружбе» царицы и Ани не раз напишет со слов придворных в своем дневнике и генеральша Богданович.

Чтобы покончить со слухами, преданная Аня решила принести себя в жертву – выйти замуж за незаметного лейтенанта Вырубова. Скромный морской офицер, правда, владел обширным поместьем...

Из дневника Николая: «1907 год. 4 февраля... Анна Танеева представила своего будущего мужа Вырубова».

Став замужней женщиной, она перестает быть фрейлиной – двор может успокоиться... «Бедная императрица рыдает, как московская купчиха, выдающая дочь замуж», – насмешливо писал Витте в своих мемуарах.

Конечно же царица просит ее поговорить с «провидцем» о грядущем браке. И «простодушная» Аня, сразу оценившая роль мужика во дворце (то, чего не поняла умная Милица), отправляется знакомиться с «отцом Григорием». Она принесет во дворец то, что так хочет услышать Аликс, – самые восторженные впечатления.

Замужество не изменило ни жизни, ни положения Ани.

Из показаний Вырубовой: «В 1907 году я вышла замуж за лейтенанта Александра Васильевича Вырубова, и по возвращении из свадебного путешествия мы сняли дачу сначала в Петергофе, затем в Царском (там находилась Семья. – Э.Р.)... Мой муж был зачислен в походную канцелярию (при царе. – Э.Р.), и в том же году мы сопровождали царскую семью на море». Подруги не расстанутся ни на день – для того Вырубов и зачислен в канцелярию.

В то время ее увидела певица А. Беллинг. «Я познакомилась с ней на музыкальном вечере... Она тогда только что вышла замуж *и была счастлива*... Муж ее, круглолицый брюнет, моряк, не отходил от нее и смотрел ей в глаза. Она без конца смеялась и, казалось, радовалась жизни... «Это ужасно смешно! – говорила она мне. – Вы вышли замуж девятого, а я одиннадцатого». И заливалась заразительным смехом... Но несмотря на ее веселость, ласковый голос, милую улыбку и добрые глаза, не чувствовалось в ней искренности и чего-то такого, что... располагало бы к доверчивости... Однажды вечером, когда я пела... а Вырубова сидела, прикрыв лицо руками и слушала... вошли и доложили, что Анну Александровну «просят». Она заволновалась и заторопилась. Через несколько мгновений она появилась на пороге гостиной в великолепном белом боа на шее, что ее делало очень эффектной, и с пышным букетом алых роз, который она передала мне, горячо поблагодарив, обняв и, как бы страдая, прижавшись к моей голове своею».

Итак, все было – и свадебное путешествие, и счастье, и «смотревший ей в глаза» муж. Но...

«Прожив с мужем полтора года, – показала Вырубова в Чрезвычайной комиссии, – я развелась, так как он, оказалось, страдает психической болезнью... Он уехал в Швейцарию, я забыла, в какой город... в лечебницу; потом мы развелись, так что я его с тех пор не видела».

Следователь Руднев сочувственно вспоминал: «По словам матери Вырубовой, муж ее дочери оказался полным импотентом, при этом с крайне извращенной половой психикой, выражавшейся в различных проявлениях садизма, чем причинял ей нравственные страдания и вызывал чувство полного отвращения».

Но как же – «была счастлива»? Как она могла полтора года жить с садистом и скрывать такую муку? А может быть, Вырубов все же не был законченным психопатом, сгинувшим в швейцарской клинике?

Именно так: бывший супруг Ани обзавелся новой семьей и с 1913 по 1917 год преспокойно жил в своем поместье, пользовался уважением соседей и даже был избран уездным предводителем дворянства. Так что понятно, почему двор весьма недоверчиво отнесся к причинам развода и с еще большим упорством заговорил на прежнюю тему.

И все та же генеральша Богданович записывала в дневнике: «2 февраля 1908 года. Рассказывал Зилотти (помощник начальника Главного морского штаба. – Э.Р.), что всех поражает странная дружба молодой царицы с ее бывшей фрейлиной Танеевой, которая вышла замуж за Вырубова... Когда во время поездки в шхеры лодка наткнулась на камень, эту ночь царская семья проводила на яхте... Царь спал в рубке один, а в свою каюту царица взяла Вырубову и на одной с ней постели спала...»

И далее Богданович излагает причину развода Вырубовой со слов княгини Долли Кочубей – урожденной герцогини Лейхтенбергской, родственницы Романовых: «*Неестественная дружба* существует между царицей и Танеевой... и что будто муж этой Танеевой... Вырубов нашел у нее письма от царицы, которые наводят на печальные размышления...» Генеральша будет часто возвращаться к этой теме: «6 февраля 1909 года... У молодой царицы сильная неврастения... это приписывают ее *аномальной* дружбе с Вырубовой. Что-то неладное творится в Царском Селе...»

А может быть, Вырубова действительно питала отвращение к мужчинам? И была по-своему счастлива в браке именно потому, что муж-импотент к ней не прикасался? А когда он попытался преодолеть себя и «направить стрелу в цель», это и показалось ей «проявле-

нием садизма»? Не из-за того ли несчастный лейтенант Вырубов начал «страдать психической болезнью»? Если предположение верно, становится понятным, почему и дальше в жизни красивой молодой женщины не будет ни одного мужчины, почему и в 1917 году она оставалась девственницей – через десять лет после развода с Вырубовым! В ее жизни будет множество флиртов, но – *демонстративных* флиртов, которые станут частью ее игр.

Я много думал о ее отношениях с Аликс и в книге о Николае II сделал первую попытку их объяснить. В основе дружбы Вырубовой с царицей лежало тайное чувство, глубоко скрытое и подавленное. Оно и притягивало несчастную Аликс, и пугало ее... Но зная религиозность и чистоту царицы, Аня скрывала это чувство и придумала восхитительную игру, которая вначале еще больше привязала к ней подругу...

Тайники души

В «Том Деле» я нашел удивительные показания служанки Вырубовой Феодосии Войно: «В царя Вырубова была влюблена, но пользовалась ли взаимностью, не знаю. Она получала от царя письма, и одно такое письмо было перехвачено царицей. И тогда между Вырубовой и царицей произошла ссора, которая, впрочем, скоро прекратилась. Вырубова сама предупредила меня и горничную, что у нее в несгораемом шкафу лежат письма царя, и если она внезапно умрет, то эти письма нужно вернуть царю».

Это могло бы показаться выдумкой, если бы не существовали письма самой царицы. Всю Первую мировую войну Аликс и Ники писали друг другу, их письма стали прекраснейшей повестью о прекраснейшей любви.

Но были в них и загадочные строки. Например, в одном из своих посланий Аликс делает такую приписку: «Милый! Ведь ты сжигаешь *ее* письма, чтобы они никогда не попали в чужие руки?» В другом месте: «Если мы теперь не будем оба тверды, у нас будут любовные сцены и скандалы, как в Крыму... Когда ты вернешься, она будет рассказывать, как страшно страдала без тебя... Будь мил, но тверд. Ее всегда надо обливать холодной водой». Оказывается, некая «она» смела устраивать сцены, скандалы и преследовать своими письмами царя?! И Аликс, не жалея слов, клеймит ее: «Она груба, в ней нет ничего женственного», называет ее «коровой»!

«Она», «Корова» – это... Аня!

Аня понимала, как опасны слухи о сексуальной подоплеке ее любви к Государыне. И придумала отвлекающую игру в подавленную, чистую и безнадежную любовь к Ники – игру, которая успокоила царицу. Так воспитанницы Института благородных девиц, боготворя старшую подругу, одновременно пылко влюблялись в ее избранника.

Нет, нет, конечно же Аня и не думает тягаться с Государыней.

Она лишь разрешает себе умирать от безответной любви. Она даже устраивает сцены, но смешные, наивные. Царь должен успокаивать влюбленную Аню письмами, а царица – жалостью. Роль Ани – безопасная «третья», создающая некое чувственное напряжение, поддерживающая огонь великой любви Ники и Аликс.

Да, она была лукава, скрытна, хитра, умна – опасная женщина, посвятившая себя двум страстям. Витте писал: «За Аней Вырубовой все близкие царедворцы ухаживают... Аня устраивает им различные милости и влияет на приближение к Государю тех или иных политических деятелей».

Первая ее страсть – власть, которая сразу пришла к молоденькой фрейлине. Аня – незримая повелительница самого блестящего двора в Европе.

Другая страсть – скрытая навечно – это Аликс. Эта тайная страсть соединялась с тем страшным, плотским, что незримо приходило в Семью вместе с Распутиным. И хотя во дворце

он оборачивался святым, царица не могла не чувствовать незримое поле его похоти, его разнужданную силу. И страстные мечты Аликс в письмах к Николаю – это уже не смиренная супружеская любовь, но иступленный плотский зов.

В своих воспоминаниях Вырубова пишет, что после развода она «еще теснее вошла в царскую семью». Она поселилась в Царском Селе рядом с дворцом, в маленьком домике. Теперь подруги были неразлучны.

Из дневника великой княгини Ксении: «7 сентября 1908 года... Поехали повидать Ники и Аликс... Аликс была в саду с Ольгой, Татьяной и неизменной Вырубовой».

Могущественная пара

Всех, кто был в то время приближен к Семье, царица знакомит с таинственным «старцем».

Из показаний Николая Павловича Саблина, капитана первого ранга, старшего офицера императорской яхты «Штандарт», одного из самых близких к царю и царице людей (в их переписке он часто встречается под инициалами Н.П.): «Кажется, в 1908 году во время плавания на «Штандарте» Государыня... сказала, что есть люди, которые вследствие аскетического образа жизни имеют особую силу, и заявила, что есть такой человек, а именно Распутин, и предложила мне с ним познакомиться».

Так что не стоит верить рассказу Ани, будто следующая их встреча с Распутиным произошла случайно...

Из показаний Вырубовой: «Следующая встреча с Распутиным произошла через год в поезде, когда я ехала в Царское. Туда же к каким-то своим знакомым с какой-то дамой ехал Распутин... Я очень ему обрадовалась и сказала, что хотела бы поговорить о своей несчастной жизни. Распутин дал свой адрес: «Греческий проспект, у Лохтиных»... У Лохтиной я встретила с Распутиным в гостиной. Ольга Лохтина была тогда... еще очень милой светской дамой и не отличалась эксцентричностью, которая развилась у нее потом».

Думается, все было проще: царица захотела дружбы самых дорогих людей. И Аня отправилась к генеральше – в тогдашнюю штаб-квартиру Распутина. Об этом рассказывает в «Том Деле» и сама Лохтина: «С Вырубовой я познакомилась... еще когда не разошлась с семьей. В первый раз она приехала ко мне узнать, когда приедет в Петроград отец Григорий».

Аня знала: каждый, кто хочет быть любимым царицей, должен любить «Божьего человека», постигать и славить его силу. И она тотчас ее ощутила. Она никогда не притворялась, не носила маски – просто очередная маска немедля становилась ее лицом. Аня сразу становится самой верной, восторженной, фанатичной поклонницей Распутина. Она поняла и начала играть свою новую, важнейшую роль.

Видимо, тогда же она и создала версию о том, что прозорливый «старец» с самого начала предсказал ей несчастье в браке – а она не послушала и была наказана. Она искренне хотела, чтобы на счету у «отца Григория» было как можно больше чудес, чтобы как можно чаще они с Аликс могли восторгаться этими чудесами. Однако через много лет в своих воспоминаниях она будет холодно и умно разбирать ошибки Царской Семьи в отношениях с Распутиным. Но это потом, когда потребуется быть старой и мудрой. А тогда требовалось быть юной и верящей. И она верила мужику – всем существом.

Лохтина сразу уступила Ане роль главной поклонницы «старца». Поняла: та будет полезней «отцу Григорию». Илиодор писал: «Лохтина смирилась с таким поворотом в своей судьбе».

После разрыва с Николаевичами Царская Семья остается в одиночестве. Друзья детства Ники, великие князья Сергей и Александр Михайловичи, давно отделились. Только Константин Константинович и его жена – желанные гости в Царском. Цитаты из стихов великого князя Аликс заносит в тетрадь наряду с любимыми изречениями. Впрочем, скоро в ее тетрадях будут записи мыслей только одного человека – полуграмотного мужика Григория Распутина. И только двое будут разделять одиночество Царской Семьи – «отец Григорий» и поклонявшаяся ему Подруга.

С падением черногорок Аня унаследовала и важнейшую роль Милицы. Аликс не смеет открыто принимать «старца» – уже пошли при дворе темные слухи о странном мужике во дворце. Но царица не может открыть, что Распутин лечит ее ребенка. Болезнь наследника по-прежнему остается тайной.

И теперь Царская Семья встречается с «отцом Григорием» в маленьком домике Ани. В архиве Чрезвычайной комиссии остались записки Ани к дворцовому коменданту В. Воейкову: «Дорогой Вл<адимир> Ник<олаевич>... старец прибыл на 2 дня, и Их Величества желают его видеть сегодня. Они думают – *лучше у меня*».

Из дневника царя: «6 ноября 1908 года... Мы заехали к Анне... видели Григория и долго говорили с ним...»

«27 декабря 1908 года... Мы пошли к Ане, где видели Григория.

Мы втроем освятили ее рождественскую елку, это было очень приятно...»

Но иногда Распутина приходится приводить во дворец – лечить «Маленького». И опять помогает умная Подруга. Это она выработала целую церемонию тайной доставки мужика во дворец.

«Отец Григорий» будто бы навещал няньку царских детей Марию Вишнякову. Это давало возможность избегать записей в камер-фурьерском журнале, фиксировавшем все посещения «царей». «Он заходил к няньке Марии Вишняковой, очень нервной особе и в то время горячей почитательнице Распутина», – глухо говорит Подруга в своих показаниях. И уже от няньки его проводили в царские апартаменты.

Как все это происходило, рассказала в «Том Деле» фрейлина Софья Тютчева – внучка великого поэта и воспитательница царских детей.

«Зимой 1908 года великая княжна Татьяна хворала. Пока ее комнаты проветривались, она лежала в комнате Вишняковой, а я с другими великими княжнами находилась в классной комнате... Обернувшись в полутемном коридоре, увидела фигуру мужика в поддевке. Я сразу догадалась, что это Распутин... Я спросила, что ему здесь нужно. Он ответил, что ему нужно к Марии Ивановне Вишняковой. Я заметила ему, что она занята и сюда входить нельзя. Распутин молча удалился... Я пошла к Вишняковой, укладывавшей в это время наследника... и сказала, что ее искал Распутин... «Ах, уж эта мне Анна Александровна!» – сказала Вишнякова... На следующий день Вишнякова при встрече сказала мне: «Уж и досталось мне за вас от Анны Александровны»... И пояснила, что Вырубова просила ее никогда не говорить о Распутине со мной, так как я не верю в его святость. На другой день Вырубова обедала у меня, и из чувства дружбы я высказала ей свой взгляд на Распутина. К моему крайнему изумлению Вырубова вдруг спросила: «А кто такой Распутин?»

Тютчева была изумлена, потому что верила в простодушие, наивность молоденькой Ани. Она не знала, какие бездны таились в этой «простой душе»...

Единственный

Распутин понимал, что ненавидящие его «черные женщины» попытаются использовать против него последнее грозное оружие – Иоанна Кронштадтского. И ждал, и готовился. «Распутин необыкновенно искусно оговаривал... Распутин... отозвался об отце Иоанне Кронштадтском... что последний – святой, но неопытен и без рассуждения, как дитя... Так впоследствии стало уменьшаться влияние отца Иоанна при дворе», – показал Феофан в «Том Деле».

Но мужику повезло: в конце 1908 года отец Иоанн умер. Он был последним человеком, который мог стать преградой влиянию Распутина.

Теперь «отец Григорий» стал единственным.

Из показаний Вырубовой: «И бывший царь, и царица... очень уважали священника Иоанна Кронштадтского. После его смерти Распутин занял его место. Во всех невзгодах жизни, во время частых заболеваний наследника престола, во время обострения сердечной болезни царицы... к Распутину обращались за поддержкой... и бывший царь, и бывшая царица просили его молить».

И отбросив всякую осторожность, «цари» начинают принимать мужика во дворец.

Из дневника Николая: «4 февраля 1909... В 6 часов к нам приехали архимандрит Феофан и Григорий. Он видел тоже детей...»

«29 февраля... В 2 с половиной к нам приехал Григорий, которого приняли со всеми детьми. Было так хорошо слушать его всею семьей...»

«29 марта (Светлое Христово Воскресение)... После обеда я пошел гулять с Дмитрием. Был мороз и много снегу». Погуляв с мальчиком – будущим убийцей Распутина – царь узнал, что во дворец приехал и сам «отец Григорий».

«После чая наверху в детской посидели с Григорием, который *неожиданно* приехал».

Никто не мог приехать *неожиданно* к «царям» – великим князьям приходилось добиваться аудиенции. Но Распутин – мог...

«26 апреля... От 6 до 7.30 видели... Григория... вечером еще немного посидел с Григорием в детской».

«15 августа... Вечером долго беседовали с Григорием». Впрочем, царица все чаще называет его «Наш Друг» – как когда-то звала Филиппа...

Слухи о мужике, странном наследнике умершего Филиппа, волновали большую Романовскую семью. 1 января 1910 года великая княгиня Ксения записала в дневнике: «Так грустно, жалко Ники и непонятно». Сестре царя действительно было непонятно, о чем можно часами беседовать с полуграмотным мужиком.

Но Ники и Аликс уже не могут без встреч с Распутиным. И не только потому, что в его присутствии их мальчик мгновенно выздоравливает. Мужик выделяется на фоне дворцовой суеты, интриг и сплетен. Он всегда рассказывает о людях только хорошее, даже о своих врагах.

Они любят слушать рассказы о его странствиях. В них оживают «другие» люди, лишённые ярма – чинов и денег. В них – Бог и природа: встающее над полем солнышко, ночлег в траве под открытым небом – все, о чем царь, так любящий долгие прогулки и простую жизнь, может только мечтать.

И еще: он ничего у «царей» не просил.

«Распутин в этот период своей жизни... нуждался в деньгах, и мне приходилось ссужать его небольшими суммами от 20 до 100 рублей, которые при случае он мне возвращал. Я спросил его: «Неужели ты, несмотря на свою близость к царице, нуждаешься?» Он ответил: «Скупа она... даст 100 рублей, а когда через неделю спросишь у нее опять, она напомним: «Ведь я дала тебе 100 рублей», – показал Филиппов в «Том Деле».

Мужик понял: ей трудно давать ему деньги. Бережливость, а точнее, скупость царицы вошла при дворе в поговорку. И он не просил. И... добился своего – они сами стали предлагать ему награды и деньги, а он отказывался. Знал, как благодарна ему царица за отказ...

Он был для «царей», пожалуй, единственным бескорыстным молитвенником перед престолом Всевышнего.

«Цари» на «исторических» балах надевали маскарадные наряды времен первых Романовых, и Аликс захотелось увидеть Распутина в дорогом «народном костюме». «Она была скупа и не давала деньги Распутину, дарила шелковые рубашки, пояса и золотой крест, который он носил», – вспоминала великая княгиня Ольга. И теперь, приезжая в Покровское, он с удовольствием щеголял в шелковых рубашках с малиновым поясом, в лакированных сапогах... Когда спрашивали, откуда сие великолепие, он рассказывал о «царях», которые любят его и ценят – пусть односельчане не забывают, кем стал Гришка, на которого они доносили церковным следователям.

«Григорий сказал, указывая мне на свою атласную сорочку:

– Эту сорочку шила мне Государыня. И еще у меня сорочки, шитые ею.

Я попросил показать мне их... Жена Григория принесла несколько сорочек. Я начал рассматривать их...

– Что, на память хочешь взять? – улыбаясь, спросил Григорий.

– Можно хоть одну или две?

– Возьми три!

И он отобрал для меня три сорочки: красную, белую чесучовую и белую дорогого полотна, вышитую по воротнику и рукавам», – вспоминал Илиодор.

Предсказание

Между тем революция становилась лишь ужасным воспоминанием. Наступал долгожданный покой. И для Аликс, так желавшей верить в чудеса нового «Нашего Друга», это была заслуга не премьера Столыпина, виселицами и военно-полевыми судами усмирившего Россию, но чудесного «старца», умирившего ее своими молитвами.

Но если Николай в то время стал покойнее, ее по-прежнему мучили приступы неврастения, на первый взгляд беспричинные.

«Болит голова... болит сердце», «мое сердце обливается кровью от страха и ужаса», «когда голова у меня меньше болит, я выписываю изречения Нашего Друга, и время проходит быстрее», «я больна от печальных мыслей» – это из ее позднейших писем. Но тот же страх преследовал ее и в те годы. Постоянная тоска от ужасных предчувствий, постоянное раскаяние – ведь это ее проклятая наследственность губила любимого сына...

Только «Наш Друг» умел гасить ее нервозность речами о прощении и любви, о будущей Божьей награде за все страдания. Своими удивительными руками он снимал сводившие с ума мигрени. Он был так нужен измученной Аликс – не меньше, чем ее обреченному сыну.

Одно из ее писем Распутин покажет тогдашнему своему другу Илиодору. Она старалась писать простодушно, на понятном для мужика языке: «Я только тогда душой покойна, отды-

хаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает...»

Чтобы ощущать себя в безопасности, ей необходимо было постоянно убеждаться в его особой силе. И потому Аликс и подыгрывающая ей Вырубова будут стараться каждый день увидеть хоть маленькое, но чудо, сотворенное им: он предсказал погоду, он угадал день возвращения Николая домой... Все это осталось в переписке царя и царицы.

Именно тогда Распутин произнес удивительную фразу: *«Покуда я жив, будет жить и династия»*. Об этом вспоминала его дочь: «Сам отец говорил в Царском Селе, что когда его не будет, тогда и двора не будет...» То же самое мы найдем и во множестве свидетельских показаний. «Установлено, – напишет следователь Руднев, – что он говорил Государю: «Моя смерть будет и твоей смертью».

Мужик знал: эти слова царицу не пугали. Наоборот – успокаивали. Ведь Распутин крепок, он должен прожить очень долго. Да и зачем Господу отнимать у «царей» своего посланца?

Но в 1910 году, когда наступил пик его успеха, когда стал он единственным, происходит таинственное: вокруг Распутина вдруг все начинает рушиться...

«Темные силы»

1910 год был ознаменован весьма немногими событиями, привлечшими внимание российских газет и обывателей.

В Петербурге состоялся первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством – этой воистину «русской болезнью». Вспоминали курьезы из древней истории: как «в одной битве пьяные воины портки потеряли». Обвиняли правительство – за то, что оно зарабатывает на этой вечной беде (после чего оскорбленные представители министерства финансов покинули съезд). Обвиняли сельских священников – за то, что они чрезмерно почитают слова святого князя Владимира: «Руси есть веселие пити» (после чего покинули съезд и представители духовенства).

В Государственной Думе произошел скандал. Известный монархист Марков-второй потребовал принятия новых постановлений против евреев. «Русский народ, – заявил он, – не желает стать рабом иудейского паразитного племени». Председательствующий князь Волконский попытался лишить его слова, Марков-второй назвал князя и протестующих думцев «жидовскими наемниками» и был голосованием исключен на 15 заседаний.

«Я рад расстаться с вами на 15 заседаний, жидовские прихлебатели», – заявил он, удаляясь.

На другом заседании один из вождей монархистов, Пуришкевич, сообщил, что левое движение в студенческой среде – это «евреи, а над ними профессора, среди коих тоже немало евреев, потому в университетах и воцарилась анархия». Заявление вызвало очередной думский скандал – с общей бранью и выкриками с мест. Председатель Думы «потерял контроль и выказал полную беспомощность», в результате чего был смещен.

Новым председателем был избран Александр Иванович Гучков. Газеты с удовольствием печатали его биографию. Не было ни одного опасного события в начале века, в котором не участвовал этот сын благополучного московского купца. Он защищал армян во время резни их турками, участвовал в англо-бурской войне (естественно, на стороне буров), а во время русско-японской войны попал в плен к японцам. В Думе прославился блестящими речами и... драками на заседаниях. Он даже умудрился вызвать на дуэль главу кадетской фракции профессора Петра Николаевича Милюкова!

Вступая в должность председателя Думы, Гучков произнес знаменитую речь, где впервые заговорил о *неких загадочных «темных силах», объявившихся в самых верхах общества...*

В Москве на Ходынском поле, печально прославившемся во время коронации Николая II, состоялись полеты авиаторов. Сергей Уточкин, «герой воздушного простора», сделал несколько кругов на биплане. Сзади на маленьком «велосипедном» сиденье для пассажира с трудом уместился московский вице-губернатор Джунковский. Участвовала в этих полетах и женщина-авиатор, черноокая красавица княгиня Шаховская, которая вскоре станет фанатичной поклонницей Распутина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.